Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова
Факультет политологии
Кафедра Истории и теории политики

**ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА**
**(МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)**

*Направление подготовки 41.04.04 – «Политология»*

обучающегося Курындикова Никиты Андреевича

на тему Политические партии как акторы политики памяти в современной России

**ОБУЧАЮЩИЙСЯ** Курындиков Н.А.

**РУКОВОДИТЕЛЬ** доцент Аникин Д.А.

Допустить к защите

**ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФЕДРОЙ** д.н., профессор Шутов А.Ю.

" ___ " _____ 2020__г.

Москва 2020 г.

# ОГЛАВЛЕНИЕ


| | |
|---|---|
| Введение……. | 3 |
| Глава 1. Теоретико-методологические основы исследования политики памяти…… | 11 |
| 1.1 Политика памяти как предмет теории политики……. | 11 |
| 1.2 Политика памяти в современном российском обществе……. | 30 |
| Глава 2. Пространство политики памяти в деятельности российских политических партий……. | 42 |
| 2.1 Акторные основания политики памяти……. | 42 |
| 2.2 Партии как акторы политики памяти: структура и контуры конфликтов……. | 60 |
| Заключение……. | 76 |
| Список использованной литературы……... | 79 |

# ВВЕДЕНИЕ

## Актуальность

С конца XX столетия по мнению французского историка Пьера Нора началось «всемирное торжество памяти». Как отдельное исследовательское поле стали формироваться memory studies, исследующие процессы, связанные с коллективной памятью. Для России тематика, связанная с исследованием реконструкции прошлого, обрела также популярность, что можно объяснить крахом советской объяснительной модели истории.

## Степень научной разработанности темы.

В процессе исследования ключевых аспектов магистерской диссертации были использованы труды таких известных авторов, занимавшихся изучением феномена политики памяти - А. Асмонд, П. Нора, Н. Маурантонио, К. Тэлин, Г. Савойе, Дж. Олик, Н.З. Дэвис, Р. Штарн и других; авторов, чей научный интерес затрагивает исследование политики памяти современной России: А.И. Миллер, О.Ю. Малинова, Д.А. Аникина, А.А. Линченко, Н.Е. Копосов и других; представителей школы постструктурализма – Ш. Муфф, Э. Лакло, Р. Барт.

Проблема конструирования и использования образов прошлого стала одной из центральных в последнее время для социальных и гуманитарных наук. Исследованию памяти посвящены работы социологов, политологов, культурологов, историков, лингвистов, представителей школы международных отношений и многих других. Все это свидетельствует о междисциплинарном характере этого феномена. Особое место в массиве этих исследований занимает разбор региональных, локальных и страновых случаев. В том числе есть ряд работ, которые затрагивают и российский кейс[1]. Стоит

[1] Зубкова Е. Ю., Куприянов А. И. Возвращение к «Русской идее»: Кризис идентичности и национальная история // Отечественная история. 1999. № 4. С. 4–28; Зверева В. История на ТВ: конструирование прошлого // Отечественные записки. 2004. № 5 (20). С. 160–169; Merridale C. Redesigning History in Contemporary Russia // Journal of Contemporary History. 2003. Vol. 38. No. 1. P. 13–28. Феретти М. Обретенная идентичность. Новая «официальная история путинской России» // Неприкосновенный запас. 2004. № 4 (36); Onken E.-C. The Baltic States and Moscow’s 9 May Commemoration: Analyzing Memory Politics in Europe //

отметить, что в среде исследователей данного направления так и не было выработано конвенционального понятия, которое бы описывало использование образов прошлого в политической сфере. Потому мы можем наблюдать следующий плюрализм номинаций: «историческая политика»[2], «политика прошлого»[3], «политика памяти»[4], «коллективная/общественная память»[5], «историческая память»[6], «политическое использование истории»[7], «режимы памяти»[8], «культуры памяти»[9], «игры памяти»[10] и др. Подобное многообразие используемых терминов явно демонстрирует проблему

---

Europe–Asia Studies. 2007. Vol. 59. No. 1. P. 23–46; Laruelle M. Public memories, or public memory? Discussing the Kremlin's attempts to fight against a pluralism of remembrance in Russia. Paper presented at the Association for the Study of Nationalities 2012 World Convention, New York, April 19–21, 2012.

[2] Heisler M. O. The political currency of the past: History, memory, and identity // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. Vol. 617. № 1. P. 14–24.; Torsti P. Why do history politics matter? The case of the Estonian Bronze Soldier // The Cold War and Politics of History / Ed.: J. Aunesluoma, P. Kettunen. Helsinki: Edita Publishing Ltd., 2008. P. 19–35.

[3] Art D. The Politics of the Nazi Past in Germany and Austria. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

[4] Копосов Н. Е. Память строгого режима. История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011; Ачкасов В. А. Роль политических и интеллектуальных элит посткоммунистических государств в производстве «политики памяти» // Символическая политика: Вып. 1. Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. М.: ИНИОН РАН, 2012. С. 126–148.

[5] Smith K. E. Mythmaking in the New Russia. Politics and Memory during the Yeltsin Era. Ithaca; London: Cornell University Press, 200; Mälksoo M. The Memory Politics of Becoming European: The East European Subalterns and the Collective Memory of Europe // European Journal of International Relations. 2009. Vol. 15, № 4. P. 653–680.

[6] Boyd C. P. The Politics of History and Memory in Democratic Spain // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. No. 617. P. 133–148.

[7] Kangaspuro M. The Victory day in history politics // Between utopia and apocalypse. Essays on social theory and Russia / Ed.: E. Kahla. Jyvaskyla: Bookwell, 2011. P. 292–304.

[8] Langenbacher E. Collective Memory as a Factor in Political Culture and International Relations // Power and the Past. Collective Memory and International Relations / Ed.: E. Langenbacher, Y. Shain. Washington: George Town University Press, 2010 P. 13–49.

[9] Никжентайтис А. Модели памяти и культурных воспоминаний: Польша, Литва, Россия, Германия // Балтийский акцент. 2012. № 3. С. 17–32; Журженко Т. «Общая победа»? «Чужая война»? Национализация памяти о Второй мировой войне в украинско-российском приграничье // Пути России. Историзация социального опыта. М.: Новое литературное обозрение, 2013. Т. XVIII. С. 93–125.

[10] Mink G., Neumayer L. Introduction // History, Memory and Politics in Central and Eastern Europe: Memory Games / Ed.: By G. Mink, L. Neumayer. Basingstoke etc.: Palgrave Macmillan, 2013. P.1–20.

исследовательского поля memory studies, а именно отсутствие собственной методологии исследования, недостаточной определённости объекта.

Традицию рассматривать память как социальный феномен была заложена французской социологической школой. Сперва Э. Дюркгемом было введено понятие коллективных представлений, которые разделяются социальной общностью и непосредственно влияющих на внутригрупповую солидарность, а также структурирование знаний о мире. Позже эти идеи были развиты ученик Дюркгейма, М. Хальбвакс, предложившего рассматривать память как продукт социальный, надындивидуальный, что «есть коллективная память и социальные рамки памяти; и именно в той мере, в какой индивидуальное сознание помещается в эти рамки и участвует в этой памяти, оно способно к акту вспоминания»[11].

Подобное предположение исходит из того, что «мы не можем думать о событиях собственного прошлого, не рассуждая о них. Но обсуждать что-то означает устанавливать связи между нашими мнениями и мнениями других людей нашего круга внутри единой системы идей»[12]. Чтобы показать примат социального над индивидуальным, М.Хальвакс ввел понятие социальных рамок, формирующихся в процессе групповой коммуникации, которые помогают закреплять и структурировать прошлое.

Коллективная память как концепт предлагает анализировать представления о прошлом не как производное индивидуального сознания, но как специфическую картину, сформированную в публичном пространстве, с исключительно присущим для него нарративами, символами и средствами передачи. Этим феноменом охватывается достаточно широкий круг явлений, затрагивая устную историю, традиции, исторические мифы, ритуалы памятования, дискурсивные практики и многое другое. Размытость понятия коллективной памяти ведет к конкурированию с другими концептами

[11] Halbwachs M. On Collective Memory / ed., transl. and with an introd. by L. A. Coser. Chicago: University of Chicago Press, 1992. P. 38.
[12] Halbwachs M. On Collective Memory / ed., transl. and with an introd. by L. A. Coser. Chicago: University of Chicago Press, 1992. P. 53

социальных наук, такими как политическая культура, историческое сознание и т.д. Среди исследователей memory studies достигнуто согласие относительно различения памяти и истории как образов прошлого, традиции заложенной ещё М. Хальбваксом.

Последствием такой всеохватности, вероятно, является то, что «коллективная/социальная/культурная память» играет роль одной из основных тем «культурного поворота», который испытывают социальные и гуманитарные науки с 70-х годов XX века. Неслучайно подобный интерес был назван «мемориальным бумом», способствовавшему появлению огромному числа работ исследовательского характера. По мнению С. Каттаго, «категории “память” и “культура”…теснят понятия “общество” или “класс”»[13]. Критики такого стремительного расширения отмечают, что в этом случае стоит говорить об исследованиях социальной памяти как «трансдисциплинарном предприятии, лишенного центра и собственной парадигмы»[14], в чем, несомненно, есть доля истины. Потому возникает необходимость проработки понятийного поля, определения собственного предмета, выработки собственных инструментов анализа. Как об этом писал профессор кембриджского университета Дункана Белл: «рассуждая о “коллективной памяти”, мы смешиваем целый ряд разных, хотя и взаимосвязанных когнитивных процессов. Это ведет не только к семантической путанице, но и маскирует очень важное политическое явление – роль, которую коллективные воспоминания могут играть в изменении того, что будет обозначено как “главный миф” нации»[15]. С его точки зрения необходимо разделить память, как феномена присущего только для индивидуального сознания, и, как он назвал, пространство мифов (mythscape), затрагивающих сознание групп и общества в целом. Последнее представляет собой «дискурсивную сферу, где

[13] Kattago S. Agreeing to disagree on the legacies of recent history. Memory, pluralism and Europe after 1989 // European Journal of Social Theory. 2009. Vol. 12, № 3. P. 378.
[14] Olick J. Collective Memory: Two Cultures // Sociological Theory. 1999. Vol. 17. No. 3. P 338.
[15] Bell D. S.A. Mythscapes: memory, mythology, and national identity // British Journal of Sociology. 2003. Vol. 54. No. 1. P. 65.

происходит борьба за контроль над памятью людей и имеет место бесконечное формирование, оспаривание и ниспровержение националистических мифов»[16].

Рядом критиков, в частности Дж. Оликом, при этом признается, что в походах, которые стараются совместить различные аспекты процесса воспоминания (индивидуального, массового, национального, социального), и исторического контекста самого этого процесса, «безусловно что-то есть»[17]. Стараясь развести различные формы коллективной памяти, они предпринимают попытки преодолеть концептуальной кризис направления memory studies.

Другими исследователями предпринимается попытка создания критериев и соответствующих им классификаций, которые дают возможность разделить коллективную память в различных ее проявлениях. В качестве примеров данного подхода стоит упомянуть описание четырех форматов памяти, то есть культурной, политической, социальной и индивидуальной. Данная концепция предложена А. Ассман[18]. Э. Лангенбахером была предложена идея различения режимов памяти[19], а Е.К. Онкен[20] использовала трехуровневую модель анализа памяти в современной Европейской политике. Стоит сказать, что с течением времени создается теория, необходимая для проведения общего исследования феноменов, имеющих отношение к социальной памяти.

Как было отмечено ранее, реконструирование образов прошлого тесно связано с символами, потому весьма интересным является деятельность

---

[16] Bell D. S.A. Mythscapes: memory, mythology, and national identity // British Journal of Sociology. 2003. Vol. 54. No. 1. P. 66.

[17] Olick J. Collective Memory: Two Cultures // Sociological Theory. 1999. Vol. 17. No. 3. P. 345.

[18] Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С 29-34.

[19] Langenbacher E. Collective Memory as a Factor in Political Culture and International Relations // Power and the Past. Collective Memory and International Relations / Eds.: E. Langenbacher, Y. Shain. Washington: George Town University Press, 2010 P. 13–49.

[20] Onken E.-C. Memory and Democratic Pluralism in the Baltic States – Rethinking the Relationship // Journal of Baltic Studies. 2010. Vol. 41. No. 3. P. 277–294.

акторов, обладающих особым положением сфере символической политики, таких как политические партии, государство. Всеохватность, способность принудить к принятию конструируемых картин мира мерами правового закрепления, монополизации права на производство символов делает их серьезнейшими игроками. Чаще всего, они выступают в качестве объектов соотнесения для прочих участников. Однако стоит сказать, что преобладание пояснений властвующей элиты не является само собой разумеющимся, ведь если даже имеет место использование насильственных методов для навязывания определенной нормативно-ценностной системы, отдельные индивиды имеют возможность двоемыслия или притворного следования данной системе.

Не менее важно оспаривание социального порядка, существующего на данный момент. Причем по важности данный момент аналогичен важности обоснования его необходимости. «Структура публичной сферы обладает большим влиянием на символические стратегии, а также на возможности различных участников данной игры»[21].

Политика памяти, как поле производства символов и смыслов имеет широкий набор акторов помимо государства. Творцами образов прошлого могут выступать журналисты, представители научного сообщества, творческих профессий, религиозные лидеры – то есть те, кто обладает достаточным объемом символического капитала в конкретном обществе. Исследователями отмечается и роль представителей экономических элит, обладающих достаточными ресурсами для контроля над средствами массовой коммуникации, посредством которых возможно формировать, транслировать фреймы, тем самым оказывая влияния на политическое поведение.

В зарубежной и отечественной исследовательской литературе стала проявляться тенденция перехода фокуса внимания от исторического метода познания прошлого, к исследованию того, как это прошлое закрепляется в

[21] Идейно-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы / под ред. О. Ю. Малиновой. М.: РАПН, РОССПЭН, 2011. С. 259–283.

общественном сознании. В этом смысле важным видится то, какой источник, «медиатор опыта», служит основанием формирования образа прошлого, каково содержание памяти, как все это влияет на мировоззрение в целом, и какому поведению группы это приводит.

**Объект** исследования данной работы – Политика памяти в современной России.

**Предметом** данной работы является Политика памяти политических партий современной России.

**Целью** данной работы является определение роли политических партий в современной России в сфере политики памяти.

Для достижения данной цели были поставлены и решены следующие **задачи**:

- дать интерпретацию понятия «политики памяти»;

- определить ландшафт политики памяти в современном российском обществе;

-дать характеристику реализации исторической политики в деятельности отобранных политических партий;

- соотнести идеологических позиции отобранных партий с их взглядами на исторический контекст

**Теоретические и методологические основания** данного исследования. Следует отметить, что исследование носит социально-политологический характер: отбор, классификация, сравнительный анализ, синтез источников и литературы по данной теме. Все это позволяет достигнуть общетеоретических обобщений. Были использованы общенаучные **методы** исследования: анализ, синтез, индукция, дедукция, а так же дискурс анализ, контент анализ и ретроспективный метод.

**Научная новизна**

Диссертация является одним из первых исследований, в котором осуществлен комплексный анализ проблем, связанных с феноменом политических партии как акторов политики памяти в современной России.

**Структура исследования**

Структура диссертации включает в себя введение, две главы, заключение и библиографию.

**В первой главе** описывается процесс актуализации исследований памяти в рамках социальных и гуманитарных наук; становление целого исследовательского направления как memory studies; дается оценка политики памяти в современном российском обществе; обозначаются риски в формировании единой политики памяти; демонстрируются подходы к формированию политики памяти на разных уровнях.

**Во второй главе** демонстрируется становления акторного подхода в исследованиях политики памяти; на примере риторики политических партий Российской Федерации дается оценка их роли в пространстве политики памяти современной России.

**В заключительной** части сделаны выводы о социальной природе феномена память, её потенциально конфликтном характере, способности изменяться в соответствии с интересами социальных групп; были обозначены проблемы и перспективные направления работы в сфере политики памяти в современном российском обществе; обозначена роль политических партий как производителей образов прошлого, из которых государственная власть выбирает наиболее подходящие и отвечающие целям легитимации принятых решений, мобилизации населения или укрепления солидарности в обществе.

# ГЛАВА 1. Теоретико-методологические основы исследования политики памяти

## 1.1 Политика памяти как предмет теории политики

Современными исследователями принято рассматривать прошлое, как один из ресурсов современной политики. Для примера: национальная история, будучи объяснительной конструкцией пройденного опыта, с момента появления национальных государств использовалась как инструмент для достижения политических целей, то есть направленных на приобретение, сохранение и использование власти. Это могло приобретать такие формы воздействия на общество как:

- мобилизации населения, путем обращения к чувствам национальной гордости или национальной травмы;
- легитимации режимов правителей, так как укоренённость в прошлом доказывает с одной стороны устойчивость и преемственность форм власти, а с другой дает уверенность в будущем, ликвидируя неопределенность;
- предание забвению неугодных для режима фрагментов истории и т.д.

Политическое использование прошлого как объект исследования науки – относительно недавнее достижение. Если оставить за скобками тот интеллектуальный багаж, который был накоплен в рамках философии, истории, естественных наук, занимавшихся вопросами памяти в рамках своих полей, то выделение в качестве отдельного направления произошло в XX столетии. Исследователи называют область этого научного знания как memory studies. Политика памяти же – одно из предметных областей этой дисциплины.

Для того, чтобы дать определение политики памяти как явления, исследуемого в рамках политической наукой, необходимо установить, что представляет собой сам феномен памяти, то есть о какой памяти мы будем

рассуждать в рамках этой работы; как он актуализировался в рамках научного дискурса; какие направления исследований старались дать трактовку этому явлению, каково нынешнее состояние дисциплины memory studies.

Даже при поверхностном ознакомлении с феноменом памяти можно обнаружить, что конвенционального определения научным сообществом выведено не было. Эндель Тулвинг, занимающийся вопросами исследования памяти в рамках психологии и нейрофизиологии, в 2007 году составил список существующих определений памяти. Наряду с физиологическими, антропологическими и психологическими определениями понятия память в этот список вошли также и «социальная память», «коллективная память», «культурная память» и т.д. На тот момент общее число наименований составило 256[22].

Это служит доказательством того, что память, во-первых, является мультидисциплинарным понятием, то есть находится на стыке большого числа наук, каждая из которых претендует на собственную доминирующую интерпретацию того или иного явления. Во-вторых, что даже в рамках одного научного направления существует ряд течений, рассматривающие различные аспекты феномена памяти. Потому, память, как и демократии, обзаводится «прилагательными», такими как – социальная, культурная, историческая, архивная и т.д.

Для нашей работы мы будем использовать определение, данное Ю.А. Сафроновой: «память – это способ конструирования людьми своего прошлого»[23]. Это достаточно общее определение, но которое при необходимости может уточняться в зависимости от исследовательских задач. Важно отметить, что автором заранее была вложена социальная природа такого явления, как память, что не позволит нам уходить в сторону психологической стороны вопроса. Также, из определения следует, то, что

---

[22] Tulving E. Are There 256 Different Kinds of Memory? // The Foundations of Remembering / Ed. by J. S. Nairne. N. Y., 2007. P.39-52.

[23] Сафронова Ю. А. Третья волна memory studies: Двадцать три года против шерсти // Политическая наука. 2018. № 3. С. 12-31.

«прошлое» конструируется людьми, из чего можно сделать вывод о рациональном характере этого процесса и активном участии проектанта. В дальнейшем это нас приведет к акторной модели объяснения политики памяти.

Как было обозначено выше, исследование памяти как социального феномена, заложено в XX столетии. Бесспорно, что размышления о памяти как об отдельном феномене человеческой жизни, известны со времен Древней Греции. В диалоге Платона «Теэтэт»[24] было отмечено, что память не тождественна пережитому опыту и с течением времени она искажается в силу объективных причин, таких как: ход жизни самого человека, его взросление или иные причины, по которым его интеллектуальные способности претерпевают изменение; возможность перенести эти сами воспоминания на материальный объект, что избавляет от необходимости самого процесса запоминания. Рассуждения философа затрагивали исключительно вопросы индивидуального памятования. Но уже тогда было подмечено – что память может быть неадекватна восприятию и, если можно сказать, факту. Можно экстраполировать этот вывод на разведение двух терминов, которое произойдет уже в XX столетии – «истории» и «памяти», о чем мы скажем позже.

Для нашей работы также будут полезны идеи, связанные с фигурой английского философа Джона Локка по вопросу идентичности, или тождества человеческого сознания и личности[25]. Согласно мыслителю, идентичность определяется сознанием, которое неизменно в различные моменты времени. Память в это смысле играет роль индикатора того, что сознание постоянно, так как позволяет обратиться к прошлому для нахождения подтверждения самости индивида. Конструкт идентичности в XX столетии станет одним из ключевых для психологии, социальных наук, особенно, когда концепт будет применятся не столько для исследований индивидуального сознания, сколько

[24] Платон. Теэтет // Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 2. М.: Мысль, 1993. с. 129.
[25] Локк Д. Опыт о человеческом разуме // Избранные философские произведения в 2-х томах. Т. 1. М.: Соцэкгиз, 1960. с. 78.

к исследованию социальных групп.

Говоря о XX столетии, исследователи выделяют три волны исследований, которые затрагивают социальную память.

Первая волна исследования, связанная с функциональным подходом в социологии, зарождением когнитивной психологии и феноменологии, включавшие память в предметное поле своих направлений, проходила до середины XX столетия. Несомненно, наиболее известной фигурой, с которой связывают этот период, а также и концепцию «коллективной памяти», является французский философ Морис Хальбвакс. Тем не менее, концепт «коллективной памяти» присутствовал, хоть и не явно, в работах его учителя, отца французской социологической школы – Эмиля Дюркгейма.

Функциональный подход предполагает рассматривать социальные явления неразрывно от того, какую функцию они выполняют в общественном организме. В работе Э. Дюркгейма «О разделении общественного труда»[26] встречается такой термин как «коллективные представления» - это символы, традиции, идеи, которые разделяются и воспринимаются членами конкретной общности одинаково. Предназначение, этих представлений сопряжено с укреплением социальной солидарности коллектива людей. Если мы разовьем эту идею, то получится «коллективные представления» - своего рода нарратив, который определяет и структурирует знания о прошлом, при этом разделяемый членами сообщества. Соотнесение с этим нарративом становится основой идентичности, и следование ему укрепляет солидарность общности.

Напомним, что солидарность по Дюркгейму бывает двух типов, каждый из которых характерен для определенной стадии развития общества (разделения труда). При механической солидарности коллектив является источником индивидуальной идентичности, поглощая попытки мыслить «иначе». Органическая солидарность – вытекает из большей автономии каждого отдельного индивида, но находящиеся в «функциональной» зависимости друг от друга. «Коллективные представления», по мнению

[26] Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. 430 с.

Дюркгейма, это категория обществ с механической солидарностью, и с ходом истории они ослабевают. С этим положением можно согласиться отчасти. С одной стороны – 70-е годы стали взрывом, отказом от метанарративов, истории, что связано с приходом течения постструктурализма. Это отказ и от «коллективных преставлений», движение обществу органической солидарности, где сильно индивидуальное начало. С другой стороны, каждое течение – это та же группа, имеющее сходное понимание одних символов, традиций, вещей – коллективные представления. Этим хочется сказать, что спускаясь на уровень малых групп мы обнаружим, что для них свойственна механическая солидарность, так как любая идентичность предполагает наличие иного, другого или даже «враждебного».

Таким образом социальная память как часть «коллективных представлений», с ходом истории теряет свою монументальность, всеохватность и претензию на единственно верную репрезентацию прошлого, переходя на уровень отдельных социальных групп, где её первостепенность непоколебима. Примером могут служить образовательные практики, которые базируются на истории локального сообщества.

Идеи, которые были высказаны Э. Дюркгеймом, были развиты в работах Мориса Хальбвакса. Память, по мнению французского мыслителя – есть продукт социальный, надындивидуальный. Такой вывод был сделан на том допущении, что сновидения, как продукт психической деятельности, носят внеобщественный характер, а потому и плохо поддаются запоминанию. При чем в своих изысканиях Морис Хальбвакс уходит довольно далеко, стараясь расширить зону социального. Для примера, такой феномен как ритм носит исключительно социальный характер, то есть вне общества этого явления не существует.

По мнению мыслителя для закрепления прошлого, его структурирования в индивидуальном сознании необходимы социальные конструкты – как он их называет «рамки». Для примера, одной из таких рамок, при чем минимальной, то есть самой устойчивой и элементарной, является

язык. Без использования понятий, слов у человека не может возникнуть идей, не может проходить умственная деятельность, так как мышление происходит посредством речи. А раз человек узнает и использует слова, которые он заимствует из общественного опыта, то и функционирования памяти, как набора идей о прошлом, предопределено средой нахождения индивида – то есть социальной группой.

Социальные рамки имеют пространственную и временную локализацию. Любое запоминаемое явление не может быть абстрактным и возможно только тогда, когда оно увязывается с конкретным пространством, и конкретным временным кодом. Стоит отметить, что по мысли М. Хальбвакса, эти две категории – так же продукты определенных обществ.

Как следует из рассуждений, приведенных выше, запоминаемые явления и факты должны отвечать критериям значимости, выработанными различными социальными группами. Таким образом мы не имеем общего восприятия образа прошлого, но это поток «пересечение различных коллективных времен»[27]. Развивая этот вывод получаем, что у каждой социальной группы имеется своя «коллективная память», которая выстраивает собственную картину прошлого. Если так, то подобные коллективные нарративы должны отличаться друг от друга, фиксируя отличительные черты данной общности. Речь не идет об антагонистическом противостоянии, но и такой вариант возможен. При этом, эти общности могут находится на разных уровнях – это может быть локальное сообщество внутри государства, региона, нации и т.д. Сознание индивида становится местом пересечения идентичностей разного уровня, то есть разных версий объяснительных картин, разных версий прошлого. Тут можно задать вопрос, как эти картины могу уживаться и какая из них приоритетная. Этими вопросами занимаются исследователи идентичности и процесса социализации, что не является предметом нашего исследования.

---

[27] Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер.с.фр. и вступ.ст. С.Н. Зенкина М.: Новое издательство, 2007.С.190.

Коллективная память не разводит прошлое и настоящее, они воспринимаются как единое целое. Не критичность восприятия связана с эмоциональным качеством памяти, так как подкрепляет чувство солидарности группы. Это рознит память и историю. Как писал Морис Хальбвакс – «история начинается лишь в той точке, где заканчивается традиция, где угасает или распадается социальная память»[28]. История – это универсальная объяснительная картина прошлого, которая стремится отвечать принципам объективности, память же – картина прошлого социальной группы, основанной на уникальном опыте, имеющего локализацию в конкретном пространстве и конкретном моменте времени.

Если суммировать вышесказанное то мы получим, что прошлое недоступно таким, какое оно есть. Индивид имеет дело с «отпечатком», образом прошлого и, как следствие, он рассуждает о нём в понятиях, актуальных для него сейчас. Его сознание зависит и конструируется в зависимости от той социальной группы, к которой он принадлежит. В следствие этого память может существовать только будучи коллективной по мысли Мориса Хальбвакса.

В рамках первой волны можно также отметить и работы Фредерика Бартлетта, занимавшегося вопросами памяти. Бартлет, один из предшественников когнитивной психологии, продемонстрировал экспериментально, что человеческое сознание, при получении новой информации и дальнейшем запоминании, подвергает её упрощению[29]. При этом важно отметить, что те элементы повествования, которые не свойственны для той социальной общности, в которой находится человек (сюжет содержит явления, принадлежащие культурному коду другой общности), быстро выпадают. В памяти остается центральная сцена и эмоциональное отношение к ней индивида. Подразумевается, что в сознании человека находится схема,

---

[28] Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер.с.фр. и вступ.ст. С.Н. Зенкина М.: Новое издательство, 2007.С.130.

[29] Bartlett, F. Remembering: A Study in Experimental and Social Psychology. Cambridge University Press. 1932. 317 p.

структурирующая новые знания об окружающем мире. Эта схема обуславливается как личным опытом, так и, если можно сказать, групповой ментальностью. Приведенные рассуждения доказывают, что память имеет социальный характер, но в смягченном варианте, нежели это представлено у Мориса Хальбвакса.

Первая волна задала вопросы, которые породят магистральные направления исследований памяти в последующие периоды[30]:

1) соотношение памяти и истории, как способов конструирования прошлого;
2) соотношение памяти индивида и памяти сообщества;
3) возможность трансформации, конструирования и внушения памяти;
4) структурные компоненты и содержание памяти;
5) существование различных типов «памяти» - «архивной», «культурной», «коллективной» и т.д.

Вторая волна исследований начинается с 1970-х годов и продолжается до конца 1990-х. Указанный период в целом характеризуется рядом значительных перемен как в научной сфере, так и в общественной жизни – появились новые вызовы, на которые было необходимо дать ответ.

С одной стороны, после краха колониальных империй на политической карте мира появились новые игроки. Необходимость обоснования собственного существования заставляло их обращаться к прошлому для нахождения основы легитимности режимов. В совокупности с тем, что и уровень образования в появившихся государствах был тогда невысок, национальной истории, как продукта национальной исторической науки, не существовало. Как следствие, происходило обращение к символам, которые хранились в коллективной памяти. По мнению Джона Гиллиса[31],

---

[30] Васильев А.Г. Современные memory studies и трансформация классического наследия // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / Под редакцией Л. П. Репиной. М.: Кругъ, 2008. С. 19-50.

[31] Gillis J. R. Memory and Identity: The History of a Relationship // Commemorations: The Politics of National Identity / Ed. by Gillis J. R. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1994. P. 3-

неуверенность социальных групп, ведет к необходимости создания приемлемого образа прошлого, которое снимет внутреннее напряжение и станет отражением генеалогического единства. Ранее было выявлено, что идентичность предполагает противопоставления одной социальной группы другой, и через их различие выявление самости первой группы. На практике, поиск отличительных черт этноса в рамках государств приводят к росту национализма.

С другой стороны, в 1979 году Жан-Франсуа Лиотар провозглашает «состояние постмодерна» и конца метанарративов. Это было характеристикой тех процессов, которые проходили с середины 1960-х годов в культуре, науке и общественной жизни. Для нас будет важно развитие в этот период такого направления, как конструктивизм. Несмотря на то, что это течение неоднородно (так, выделяют конструктивизм в узком смысле, или радикальный или социальный конструктивизм), есть некоторые положения, которые их роднят. Истина носит множественный характер (в противовес её абсолютному пониманию), зависит от контекста, и локализована в разных культурах и исторических «временах». Этот тезис важен для нас, так как он предполагает множественности истории, и, как следствие, множественность памяти. Другим разделяемым постулатом является пригодность знания. В каком-то смысле, это приближает конструктивизм и функциональный подход. Знание может длительно существовать в дискурсе социальной группе лишь до тех пор, пока она приносит «пользу» или успешно выполняет возложенные функции. Привязав к контексту нашего исследования получаем, что «коллективная память» хранит лишь те факты и их интерпретации, которые доказывают свою актуальность в рамках переживаемого опыта и адекватно отвечающих групповым целям. Как об этом пишет этнолог Элизабет Тонкин - облик прошлого, разделяемый группой и служащей основой идентичности, определяется социальными практиками, а также «воспоминания создают нас,

---

24.

как мы воспоминания»[32].

Упоминание работ этнологов не случайно, так как в 1983 году выходит знаменитая работа Бенедикта Андерсона – «Воображаемые сообщества», где нация представляется социальным конструктом, созданный в интересах узкой группы политической элиты. Используя символы для влияния на коллективное восприятие, создается идея того, что это общество имеет естественное происхождение (в трактовке примордиализма), и укорененно в прошлом. Происходит это посредством использования институтов, таких как национальный литературный язык, мемориальная политика, картография, система образования и т.д. Бенедикт Андерсон использует для такого конструкта прошлого понятия нарратив или биография нации. Так как у наций нет Творца[33], то описать эту биографию невозможно от момента её «сотворения». Поэтому история пишется «от настоящего к прошлому». Из всего массива явлений выхватываются наиболее яркие, которые воспринимаются как собственные.

О конце всемирной истории так же писал и французский историк Марк Ферро. Хоть его воззрения лишь косвенно связаны с этнологией, тем не менее в его представлении история – этноцентрична на разных уровнях. Это может проявляться как на уровне цивилизационном (европоцентричное представление истории), так и на региональном (истории отдельных государств) и внутристранновом. Оригинальным представляется воззрение Ферро на историю, так как память – является составной её частью. Стоит оговориться, что история, с его точки зрения, это восприятие обществом самого себя через образ прошлого, который с ходом времени претерпевающего реинтерпретации ввиду трансформации знания. Истолкованием истории как набора фактов, связанных причинно-

[32] E. Tonkin Introduction // History and ethnicity / Ed.: Chapman M., McDonald M., and Tonkin E. London: Routledge, 1989. P. 2–5.

[33] Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. П. Баньковской. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.

следственными связями занимаются как профессиональные историки (как называл Ферро «история историков») так и противопоставленная коллективная память. Если первые претендуют на объективность, то коллективная память хранит образы, имеющие сильный эмоциональный компонент – «память…это своего рода капитал, резервуар, в котором народ черпает вдохновение, находит образцы для себя»[34].

Третьей причиной, благодаря которой можно говорить о наступлении новой волны в memory studies, это смена поколений. XX век нам известен как свидетель героических побед, так и чудовищных преступлений. Проблематика Холокоста стала одной из центральных для европейской интеллектуальной жизни второй половины XX столетия. В частности, Вторая Мировая Война оказала значительное влияние на восприятие немецкой нации в глазах мирового сообщества и собственных граждан как виновников тех ужасных событий, за которые необходимо приносить «покаяние». Но если поколение-участников или признавало за собой ответственность за свершенное или старалась замалчивать даже на официальном уровне, то новое поколение не могло мириться с таким положением дел. Подобное состояние отрицательно сказывалось на идентичности немецкой нации. Назрела необходимость ревизии «исторического наследия» национал-социализма, что в научной и публицистической литературе получило название – «преодоление прошлого». В середине – конце 1980 –х годов разгорелся спор историков (центральными фигурами были Эрнст Нольте и Юрген Хабермас), который должен был поставить точку в вопросе ответственности нации за свое прошлое. На непродолжительное время этот конфликт был решен в пользу необходимости проработки своего прошлого, но уже в 1990-м году происходит объединение ФРГ и ГДР, что ставит новые вызовы перед интеллектуальным сообществом.

Вышеуказанные причины послужили толчком для «мемориального бума». На проблемные вопросы, которые были подняты ещё мыслителями

---

[34] Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира: Пер. с фр. М.: Высшая школа, 1992. 350 с.

первой волны, стали даваться ответы.

Немецкий историк культуры Ян Ассман, вслед за Юрием Лотманом, работал с понятием «культурная память». Исследователь делает замечание, что для человека более характерно забвение, нежели воспоминания. Это ставит проблему причинности существования реконструкций образов прошлого. «Культурная память» - одна из внешних форм измерения памяти наряду с миметической (повторением), предметной (отраженным существованием) и коммуникативной (социальной обусловленностью). «В то же время, она является смысловым, символическим закреплением каждого из этих трех видов. Тем не менее, особое внимание уделяется разделению памяти коммуникативной и культурной. Источником первого типа является «устная история», срок которой зависит от поколения её носителей (предельный срок существования около 40 лет), после чего требуется её закрепление. Для культурной памяти – долгоиграющие мифы, конструируемые профессиональным сообществом историков.

Память в работах Яна Ассмана приобретает политическое звучание, так как власть нуждается в обращении к прошлому. «Культурная память» может подвергаться структурированию под влиянием трансформации взглядов и интересов социальной общности. В этой связи Ян Ассман использует типологию, предложенную французским этнологом Клодом Леви-Строссом, для описания политических стратегий[35] (или опций), которые используют группы в отношении памяти. «Горячая» опция имманетна для государства, как организованного неравенства. Низшие слои населения, угнетенные, стремятся к нарушению сложившегося статуса-кво. «Холодная» опция, стремится к сохранению сложившегося положения вещей, настаивают на его генеалогическом характере. Устойчивость этого состояния обеспечивается политическими элитами а также иными структурами (историками, литераторами, иными деятели искусства, религией). Миф, как реконструкция

[35] Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

прошлого, также может быть представлен в двух видах, непосредственно связанных с опциями памяти. Контрапрезентативный, то есть критикующий настоящее с точки зрения находящегося в прошлом «золотого века», и обосновывающий, защищающий существующий порядок вещей.

Во Франции, с 1984-1992 проходило исследование историков под руководством Пьера Нора, итогом которого стал семитомный труд «Места памяти»[36]. В этом собрании была представлена концепция «места памяти», как слияние материального и символического (в своем роде суррогат), становящихся объектом почитания для общества. Создание подобных мест следует из того, что «живое прошлое», как источник существования национального самосознания, уходит и на её место приходит история.

История, как один из способов реконструкции прошлого, носит на себе отпечаток элитарности, антидемократичности, так как в своем стремлении к универсализму противоречит тенденции деколонизации – всемирной, внутренней и идеологической. Каждая общность людей, для определения идентичности, нуждается в памяти. По замечанию Пьер Нора это особенно заметно во французском обществе, которое в связи с экономическим кризисом 1974 года, исчерпанностью коммунистической идеологии, политикой постголлизма, утратило свою прежнюю идентичность. Причем все эти события произошли относительно быстро, время ускорилось, что вызывало острую необходимость запечатлеть прошло, как назвал автор исследования отдать «долг памяти». Эти явления связаны с разрушением привычной картины времени, когда прошлое и будущее взаимосвязаны, есть образ того, что будет дальше и что необходимо сохранить для этого будущего. Как назвал это автор: «Конец истории с известным концом»[37].

Британские историки Эрик Хобсбаум и Теренс Рейнджерс, исходя из

---

[36] Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок; Пер. с фр. Д. Хапаевой; Науч. конс. пер. Н.Копосов СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. 328 с.

[37] Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3. [Электронный ресурс] - URL: http:// magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html (Дата обращения 09.04.2020).

положений школы конструктивизма, задались вопросом, можно ли изменить образ прошлого, его восприятия для достижение целей социальных групп. В работе 1983 года «Изобретение традиций»,[38] была предпринята попытка показать, что большинство привычных для нас символов и ритуалов не имеют уходящих в глубины истории корней, что такая связь может быть эфемерной. Социальные практики, имеющие своей целью утверждение определенных ценностей и норм поведения, закрепляющихся посредством повторения, авторы называют изобретенные традиции. Они имеют жесткую структуру, а их появление сопряжено с серьезными социальными потрясениями. Традиции можно разделить на три типа в зависимости от исполняемых функций: во-первых, это традиции, которые формируют или подчеркивают связь индивида с определенной общностью; во-вторых, традиции, вводящие ритуалы и обряды, подчеркивающих статус и наличие власти; в-третьих, традиции которые закрепляют в сознании индивида ценности и нормы, регулирующие его дальнейшую деятельность. Все эти размышления нас подводят к тому, что память может стать таким же объектом социальной инженерии, то есть мы способны воссоздавать искусственные воспоминания для достижения конкретных целей. Так как исследователи являются приверженцами марксизма, то и инструменты конструирования находятся в руках у политической и экономической элиты. Своего рода, это пример «символического насилия» Пьера Бурдье, когда власть навязывает смыслы и заставляет признать их легитимными.

Приведенные авторы попытались дать ответы на вопросы, заданные первой волной исследований. Как можно заметить, все они являются представителями различных сфер научного познания, но их единит понимание памяти как коллективного явления, которое влияет на определения человеком его места в этом мире. Новым, что было привнесено исследователями, стало инструментальное понимание образов прошлого, то есть возможность

[38] Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. – 2000. №1(8). С. 47–62.

фабриковать или переиначивать смыслы произошедшего. С одной стороны, это целенаправленный процесс, когда факты истории намеренно возвеличивают, предают забвению. С другой стороны, связано с господствующей парадигмой, когда прошлое трактуется с позиции настоящих представлений о причинности.

Третий период memory studies начался с середины 1990-х годов и продолжается по настоящий момент. Его отличительными характеристиками можно назвать – попытки систематизации накопленных знаний; определение предметного поля данного научного направления, то есть стремление к институционализации; поиск новых подходов, которые позволят дать адекватные ответы на вызовы времени.

В 1995 году выходит симптоматичная статья профессора Барби Зализер «Читая прошлое против шерсти. Очертания memory studies»[39], где автор представил шесть положений, характеризующих специфику данного научного направления. Первое затрагивает то, что коллективная память не статичная вещь, она вечно находится в состоянии трансформации, изменения. Второе положение говорит о нелинейности, непредсказуемости и даже нерациональности процесса коллективного воспоминания. Третье утверждает, что память конструируема и находится в зависимости от интересов социальной группы. Четвертое положение затрагивает связь памяти и пространства. Пятое говорит о том, что коллективная память избирательна, то есть нацелена на героические или трагические моменты истории, и, так как победа группы происходит «над» или принимается поражение «от», то память имеет потенциально конфликтный характер. Шестое положение утверждает, что прошлое возможно использовать для достижения конкретных целей.

В 1998 году выходит статья двух наиболее влиятельны фигур нового периода Джойса Робинсона и Джеффри Олика – «Memory studies: от «коллективной памяти» к исторической социологии мнемонических практик»,

[39] Zelizer B. Reading the Past Against the Grain: The Shape of Memory Studies // Critical Studies In Mass Communication. Vol. 12. № 2. 1995. P. 214-239.

где была дана оценка научного направления – как «непарадигмального», что «новые теории не смогли дать ответ на старые вопросы», а также, что исследовательское поля не имеет собственного центра. Последнее связано с междисциплинарностью направления. Как итог ставился вопрос о смысле этого исследовательского поля.

В более поздней статье 2009 года «Фигурация памяти: процессо-реляционная методология», Джефрик Олик предлагает собственную методологию исследования коллективной памяти. Исследования памяти, по мнению автора, актуальное направление в исследовании групповой идентичности, так как они затрагивают практики солидаризации групп и отсылают к культурному феномену – осознанию общества самим себя: «Настоящее сообщество это сообщество памяти»[40]. Коллективная память является социальной деятельностью, ввиду неизбежной экстернализации, то есть внешнего закрепления прошлого в материальном мире, что стало возможно массово с момента изобретения книгопечатания.

В своей статье Джефри Олик критикует 4 ошибки или «пагубных постулата», которые присущи исследованиям коллективной памяти. Первое заблуждение – «единство», касается представлений о том, что коллективная память – «монолитна» для конкретного общества, что существует общественный консенсус по поводу прошлого. Второе заблуждение – «миметическая связь», то есть прошлое это «объективная» данность, изначально находящаяся вне интерпретации. Третье заблуждение – «материальность», затрагивает наше представление об истории как о вещи, статичной, пойманной в конкретный момент времени и с присущими ей характеристиками. Четвертое заблуждение – «независимость», что предполагает отделенность коллективной памяти от других форм культурного и политического опыта той или иной общности.

Взамен автор предлагает новый подход к исследованию коллективной

[40] Олик Дж. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии / пер. с англ. Д. Хлевнюк // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. № 1. С. 40-74.

памяти, который он называет процессо-реляционным, и уже свои 4 концепта, тесно связанных с философскими воззрениями Пьера Бурде – поле, средство передачи, жанр и профиль. Метафора «поля» используется для того, что бы: первое, показать присутствие нескольких вариантов толкования прошлого в одном поле и конкуренцию этих нарративов за главенство в границах данного поле; второе, что есть несколько полей, в которых ведется борьба – поле культуры, политическое поле или научное где имеются специфические правила, свободы и последствия действий акторов. Каждое из полей производит отличные друг от друга образа прошлого, и при процессо-реляционном подходе нам необходимо учитывать не только сам факт наличия этих нарративов, но и их изменение. Второй концепт – средства передачи или посредник. Он подразумевает собой критику исторического знания как «объективного», так как по мнению автора «нет опыта до репрезентации» и «нет восприятия без интерпретации, нет реальности самой по себе», то есть знание о прошлом мы всегда получаем опосредовано, уже деформированным в соответствии с замыслом создателя источника. Концепт жанра призван продемонстрировать, что коллективные воспоминания с одной стороны это коммуникативное явление, с другой стороны – что коммеморативные практики подразумевают собой включенность неявных и органично вписанных отсылок к прошлым актам памяти, создавая своего рода преемственность, связь прошлого и настоящего, процессуальность. Последний концепт – профиль. Здесь подразумевается, что память является лишь одной из частей картины смыслов настоящего, и имеет очень тесную связь с политической смысловой системой. По мнению Джефри Олика – «смысл и идентичность есть цель политики», а коллективная память затрагивает процесс самоопределения общности. Только в совокупности эти четыре концепта могу позволить дать взвешенное представление о поле памяти конкретного сообщества.

Стоит отметить, что Джефри Олик не только старается концептуализировать исследовательское поле memory studies, но и делает

шаги к институционализации этого направления. В 2008 году им и рядом других ученых был основан журнал Memory Studies, а в 2016 году учреждена Ассоциация исследований памяти. В целом, это научное направление так и не смогло избавиться от своих «родовых» проблем таких как: междисциплинарность; отсутствие четкого определения собственного предмета, методологии и понятийного аппарата; слабая институционализация.

Подводя итог экскурса в исследовании коллективной памяти стоит сделать некоторые выводы:

1. Память является социальным продуктом, конструируется в зависимости от интересов группы и используется для достижения солидарности в обществе, для мобилизации
2. Память носит потенциально конфликтный характер. С одной стороны, она связана с групповыми настроениями, акцентируясь в первую очередь на «победах», «трагедиях», «травмах», «героях» и «предателях». С другой стороны, как и идентичность – для определения «самости» группы необходима «аут-группа», в противовес которой и определяются характерные черты «ин-группы».
3. Память, как и история не имеет отношение с объективным прошлом, но с образами и интерпретациями.
4. Память – не монолитное образование, а потому существует несколько групповых нарративов в один и тот же момент времени.

Исходя из этого, мы может дать рабочее определение политики памяти, как деятельности акторов, обладающих политической властью, направленной на утверждение конкретных образов прошлого через отбор и интерпретацию фактов истории с использованием средств правового регулирования, образовательной и культурной политик.

## 1.2 Политика памяти в современном российском обществе

В рамках современного общества политика памяти имеют большую значимость, так как она выступает, с одной стороны, аспектом стратегической политической культуры, а с другой – социально-философским понятием. Однако спектр вопросов, затрагиваемых политикой памяти, довольно широкий. Д.А.Аникин выделяет два аспекта политической памяти: урбанистический и региональный[41].

Так, автор отмечает, что представить и описать процесс функционирования городского пространства позволяет пространственный подход. Термин «пространство» можно рассматривать в различных структурах городской среды, обозначая им как специфику застройки городского пространства, так и описывая им образ города, формирующегося в сознании его жителей.

М.Элиаде в своих исследованиях отмечает, что в городском пространстве фундаментом формирования политики памяти является появление категорий «центра» и «периферии». Так, формируя свое сознание на основе окружающего его пространства, человек это пространство осваивает и обживает, придает ему некую осмысленность и наделяет памятью[42].

Образ города, его отражение в сознании его населяющих горожан, способность конструировать его и производить различные социальные миры становятся главным фокусом внимания исследователей.

Отдельным вопросом изучения городского пространства можно считать то, как прошлое вплетается в ткань жизни города настоящего. Такое взаимодействие может носить как направленный, сознательный характер, так и происходить стихийно. Городское пространство можно рассматривать как медиатора или носителя памяти, используя его мы можем сохранять и

---

[41] Аникин Д.А. Стратегии политики памяти на постимперском пространстве // Известия Саратовского университета. 2012. Т. 12. Сер. Философия. Психология. Педагогика. Вып. 2. С. 34-38.

[42] Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994. 144 с.

актуализировать образы прошлого. С точки зрения Александра Дюкова[43]принципиально важно различать именно политику памяти как средство конструирование и поддержания групповой идентичности, в особенности национальной, и историческую политику как комплекс мер по использованию прошлого для достижения сиюминутных политических целей, как внутри- так и внешнеполитического характера.

Автор приводит в качестве примера политики памяти - коммеморативную практику Дня победы - возложения цветов к памятникам погибших солдат. Эта практика носят как индивидуальный характер, так как связаны с личными переживаниями, чувством долга, так и коллективный (если можно сказать даже жанровый характер, используя методология Дж. Олика), при этом они не считаются навязанными. В противовес этому, есть историческая политика, которая выводит на передний план новых «героев» и «жертв», переосмысливает прошлое для реконструкции или конструирования новой групповой идентичности. В действительности различие этих двух категорий в терминах «манипуляции» не представляется состоятельным, так как и политика памяти подразумевает задействование различных образов прошлого в зависимости от существующей повестки дня.

Пространство современного города становится таким образом объектом политики памяти, отдельные части ландшафта прошлого могут видоизменяться, забываться или актуализироваться. Для этого используются финансовые и информационные ресурсы и такого рода политика памяти может дать практический эффект, если находит отклик в лице горожан и отвечает приоритетам государственной политики.

Чтобы определенные образы прошлого закрепилась в сознании граждан, важна ее визуальная презентация. В современном обществе визуальный аспект

---

[43] Дюков А. Ни одно общество в мире не может обойтись без своей политики памяти // Информационно-аналитическое сообщество «Мировоззрение Русской цивилизации». 2009 [Электронный ресурс] - URL: http://www.liberty.ru/Themes/Aleksandr-Dyukov-Ni-odnoobschestvo-v-mire-ne-mozhet-obojtis-bez-svoej-politikipamyati (дата обращения 20.05.2020).

политики памяти является неотъемлемой частью повседневной жизни.

Так, Ж. Ле Гофф приводит в сравнение средневековый город, где аналогичным элементом пространства выступал готический собор, который своими масштабами и визуальным эффектом закладывал в сознание людей политику памяти о нерушимости феодальной лестницы и расслоения общества.

Массовая визуализация, появление посредника между миром реальным и миром образов, замена текста на изображение редуцирует картины миры, сводя их до стереотипов. Визуальная культура способна стирать разницу между оригиналом и копией, так как наиболее отличительной её особенностью является постоянное репродуцирование. Если рассматривать визуализацию городского пространства в рамках того, что она рождает повседневную образность, которая закрепляется в наши привычные действия и рождает символические установки.

Д.А.Аникин отмечает, что нельзя рассматривать образы прошлого как нечто неизменное и скрытое.[44]Говоря о городском пространстве мы подразумеваем прежде всего динамику, одни картины прошлого приходят на смены другим, появляются новые элементы, что в свою очередь порождает и новые практики памятования.

По мнению А.Шюц[45], несмотря на то, что мы можем иметь дело с образами, у которых нет под собой основания, их соотнесенность с прошлым придает легитимность. Новая визуальная культура в социальном пространстве города приобретает черты укоренённости и естественности.

Поле памяти в городском пространстве приобретает конфликтный характер, где представлены разные позиции акторов. Актуализируя те или иные образы прошлого, материально или символически воплощенных в пространстве города появляется возможность реализации политических

---

[44] Аникин Д.А. Фронтир и граница: пространственная методология в современных memory-studies // Философия и методология истории. Сборник научных статей VI Всероссийской научной конференции (Коломна, 27-28 ноября 2015 года). Коломна, ГСГУ, 2015. С. 8-16.
[45] Шюц А. Структура повседневного мышления // Социс. 1988. №2. С.134−140.

стратегий.

Так, например, как отмечает А.Ассман[46], в современном городском пространстве России такие знаки выражают символическую значимость для настоящего, но по сути могут не являться монументами прошлого. Такими знаками автор называет памятники архитектуры, искусства и истории.

В этой связи может показаться интересной мысль Р.Барт[47], что через использование знакомых образов и наименований отдельных городских пространств, можно достигать «эффекта реальности», использование большего количества мелких, и порой незначительных деталей, заставляет нас верить в реалистичность картины, которая порывает с означающим, поглощенного референтом.

Так, можно отметить необходимый минимум политики памяти в российском обществе – это знание и память о событиях Великой Отечественной войны. О героях, которые там были, и о местах, которые приобрели воинскую славу. Несмотря на большой промежуток времени, в политике памяти Великая Отечественная Война является сильным и важным элементом, способным объединить под одним лозунгом и под одной целью представителей разных поколений и социальных слоев.

Возвращаясь к городскому пространству в рамках урбанистического подхода к формированию политики памяти, можно выделить некоторые способы визуализации прошлого. Яркими примерами экстернализации можно назвать памятники, наименования улиц, площадей, улиц, музеи, кунсткамеры, мемориалы, памятные таблички, все то, что Пьер Нора назвал «места памяти».

Однако политика памяти требует системного и комплексного подхода. В рамках комплексности стоит отметить не только воссоздание памятников прошлого в городской среди, визуализацию и изменение городского

---

[46] Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛО, 2014. 328 с.

[47] Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования: учебник/ пер. с польск. Н.В. Морозовой, авт. вступ. ст. Н.Е. Покровский. М.: Логос, 2007. 168 с

ландшафта, но также создание социально-эмоциональных критериев. К ним относят проведение мероприятий, больших фестивалей, митингов и возложений. Подход системности предполагает регулярное и частое воздействие на сознание горожан объектами политики памяти.

Стоит при этом заметить, что символы, связанные с городским пространством, приобретают значимость только при пересечении с социальными практиками, то есть важна частотность, достигаемая через визуализацию и вхождение в обыденную систему образов. Примечательным оказывается, что память о Великой Отечественной войне в этом случае, актуализируемая несколько раз в году.

Городские ландшафта политики памяти таким образом формируются из образов, которые имеют визуальную природу и вплетенные в нашу повседневность, что лишает нас возможности полноценной рефлексии прошлого.

Также рассмотрим второй подход к вопросу о формировании политической памяти – региональный.

Оперирование фактами и образами прошлого является качественным ресурсом власти и политической борьбы, позволяющим подтверждать естественность порядка вещей, так как генеалогия позволяет говорить о преемственности и стабильности, или наоборот, говорить о назревших потребностях в переменах.

Для понимания механизма памяти обратимся к региональному уровню использования политики памяти в современной России.

Можно выделить некие магистральные направления, в рамках которых идет преобразование образов прошлого:

1. Анализ, переоценка исторического опыта, пройденного Россией в советское время.

2. Активное обращения к проектам прошлого, которые существовали до установления советского строя, или находились в антагонистическом отношении к нему.

3. Поиск новых образов прошлого, которые бы смогли отвечать новым потребностям современного российского общества.

В рамках современного российского общества возникает сложность в формировании единой политики памяти на всей территории, так как в государстве высоко развит региональный компонент. Это позволяет говорить о целом плюрализме объяснительных картин прошлого. При том, как отмечает Ж.Т.Тощенко[48], политика памяти регионов зависит не только от специфики исторического пути каждого из них, наличия специфического мировосприятия как такового, но и от устремлений руководителей и глав регионов.

Патриотизм в современном российском обществе является одной из лидирующих концепций развития политики памяти. Однако стоит отметить, что его формирование встречает ряд проблем как на федеральном уровне, отсутствия концептуального понимания того, что есть в целом русская идея»», так и на региональном уровне, где элиты не способны сформировать образ, способного отвечать сразу нескольким требованиям.

Во-первых, политика памяти должна иметь своей основой текущее положение российского общества и отвечать стратегии развития социально-политической сферы государства. Во-вторых, мощным рычагом политики памяти является формирование гордости за историческое прошлое своей страны, что требует однозначного понимания каждого исторического периода от всех граждан, независимо от региона проживания. Так, в-третьих, важно налаживать диалог с представителями всех регионов и формировать принципы и идеи идентичности и толерантности для общности и чувства единения, которые необходимы для реализации политики памяти.

Перечисленные аспекты специфики политики памяти говорят о трудностях применения регионального подхода, что требует нового, комплексного подхода.

Однако региональный подход активизации политики памяти является

---

[48] Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2018. № 4. С. 4-15.

мощным и эффективным политическим инструментом. Так, Д.А.Аникин[49] предлагает стратегию трансформации политики памяти в России на основе регионального аспекта. В рамках стратегии он выделяет два направления ее реализации: теоретический и эмпирический.

На теоретическом уровне Д.А.Анинкин предлагает изучить режим темпоральности, объясняющий соотнесение прошлого, настоящего и будущего для формирования стратегии вариативности регионов России. Эмпирический уровень предполагает сбор источников, в которых можно обнаружить образы прошлого, конструируемые в рамках отдельного региона. Перемычку двух уровней обеспечивает промежуточный этап, где идет уточнение критериев отбора материалов для анализа, разрабатывается методика анализа, проводится кросс-региональное сравнение политик памяти.

Объектом исследования на эмпирическом уровне могут стать как корпус официальных документов, содержащие представление региона о его месте в историческом полотне России в целом; образовательные практики и тексты, со свойственными только этому региону героями, жертвами, трагедиями; материальное воплощения – как памятники, или символическое – как название улиц, городов, площадей; музеи; используемые визуальные символы.

Д.А.Анинкин убежден, что данная стратегии исследования региональной политики позволит выявить несоответствия политических ориентиров в каждом регионе, создать в последствии единую концепцию федеральной политики памяти и актуализировать вопросы политики памяти в рамках современного российского общества.

Таким образом, можно сделать вывод, что несмотря на выявленные недостатки регионального подхода, он все же сможет стать мощным политическим инструментов в реализации политики памяти при правильном подходе и выработке рабочей стратегии.

---

[49] Аникин Д.А. Топосы социальной памяти в обществе риска М.: Издательство Саратовского государственного университета, 2011. 156 с.

Рассмотрение двух подходов формирования в современной России политики памяти позволил отметить, что государственная политика памяти может выступать как отдельное направление политики, наряду с культурной, экономической, социальной, а иногда и совмещая в себе практики каждой из них. Так, она не только выступает как отдельное направление, но также способствует реализации стратегии развития каждого из смежных направлений, являясь частью всех сфер нашего общества.

В последнее время, как отмечает В.М.Утенков[50], политика государства особую значимость придает консолидации общества, в связи с чем осуществляются новые поиски образов национальной идентичности и рычагов формирования политики памяти.

В рамках реализации политики памяти, как уже было ранее отмечено, особое внимание уделяется актуализации ее региональных элементов.

Сложности реализации стратегии политики памяти выделяются в противоречиях, носящих скрытый характер. Они касаются исторических событий Российской Федерации, межнациональных конфликтов, антитолерантного поведения и неопределенной структуре коммеморативного пространства.

Однако на сегодняшнее время в российском обществе сложились определенные тенденции, без которых политика памяти не может быть реализована. Так, для выработки оптимальной стратегии развития политики памяти важно не только рассмотреть ее позитивные аспекты, но также отметить то, что уже не может быть реализовано в нашем обществе в рамках политики памяти.

При формировании политики памяти важно учитывать и анализировать все факторы и риски, которые могут препятствовать реализации патриотической программы. Для российского современного общества эти риски выражаются в особенностях «массового исторического сознания и

---

[50] Утенков В.М., Закалин А.С. Об историческом сознании студенческой молодежи // Социологические исследования. 2000. № 6.С. 119-122.

погрешностях сравнения сознания нашего общества и сознания общества постсоветского периода»[51].

Ж.Т.Тощенко[52] рассматривает государство как основного актора политики памяти, что говорит о необходимости отталкиваться от препятствий и рисков, которые встречаются у него на пути. В качестве основных рисков выделяются внешнеполитические и внутриполитические.

В числе внешнеполитических рисков формирования политики памяти в современном российском обществе выделяют протекающие глобальные процессы, связанные со стиранием традиционных границ суверенных государств. Можно отметить как риск и наличие «враждебных» исторических дискурсов, которые характерны для Восточной Европы. Основой для такого являются «исторические обиды», мифы о «золотом веке», которые позволяют предъявлять исторический счет России как правопреемнику Советского Союза. Подобные нарративы жертвенности не предполагают выстраивание добрососедских отношений и не позволяют вести конструктивный разговор на государственном уровне. Нельзя не отметить и напряженность во внешней политике России и Запада. Немаловажным фактором является и мигранты, общности которых не готовы порывать с собственными картинами прошлого, так как это нарушит их собственную идентичность. Все это способно стать или уже является основой для мемориальных войн.

Другой группой рисков, с которыми сталкивается Россия, являются внутриполитические. Сложившая модель политического устройства страны, где основными держателями различных форм капитала являются представители высшей когорты бюрократии и экономической элиты, не предполагает качественную проработку политики в разных сферах, отвечающей стратегическим национальным внутриполитическим интересам.

Нельзя не отметить и низкое качество политических институтов,

---

[51] Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 4-15.

[52] Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 4-15.

которые ответственны за проведение политики памяти в стране. Эта проблема заключена в пассивности органов государственной власти, неспособностью сформулировать повестку дня, стратегию, на которые будет работать политика памяти, коррумпированность чиновников. Можно также отметить непоследовательность, неконгруэнтность в работе с картиной мира молодежи. Важной «родовой» проблемой является наличия большого числа национальных нарративов в рамках государства, где каждый субъект, меньшинства стараются сохранить свою идентичность, вступая порой в конфликт друг с другом или с общегосударственной политикой памяти.

Стоит сказать, что в России уже не впервые формируются «волны ностальгии», неконсервативные настроения, исходя из неблагоприятного социально-экономического положения в стране. Запрос на сильную власть, актуализирует и определенные образы прошлого.

Среди рисков в России также отмечают большую степень неоднородности населения страны, связанные с эмиграционными и иммиграционными факторам.

Чтобы определить направление политики памяти, важно отметить, что сама по себе политика памяти является целенаправленным процессом. Встает вопрос, на кого может быть направлена эта политика, кто является её целевой аудиторией. С одной стороны, говорить о формировании единого подхода при наличии такого количества альтернативных картин (этнических, институциональных), не представляется возможным, так как эффективность будет крайне мала. Говорить же о противостоянии официального дискурса коммеморации и народного представляется очень большим допущением.

Отдельной проблемой стоит назвать ценностный вакуум. За более чем двадцатилетнюю историю государственная власть так и не смогла выработать ценностного ориентира, определиться, что есть «русская идея». Отсутствие ценностного компонента не позволяет выстроить желаемую картину будущего, заставляя руководствоваться лишь краткосрочными потребностями.

Краткий обзор проблем, с которыми сталкивается политика памяти в современной России, позволяет говорить о необходимости качественно новых подходов к её формировании. Кажущимся решением может быть проект, который является надэтничным, плюралистичный и децентрализованный, но, как было уже сказано ранее, групповая идентичность коллектива с его символами и образами, будет иметь более высокое положение, что не позволит уйти от традиционных моделей.

Таким образом, можно сделать вывод, что при рассмотрении ряда вопросов о выборе правильной стратегии, учете рисков и анализе подходов государственной политики памяти важно рассматривать это понятие с разных подходов.

Так, одним из подходов формирования политики памяти является урбанистический подход, позволяющий рассмотреть ее формирование в рамках городской среды. В рамках данного подхода важным аспектом является рассмотрение различных методов формирования сознания граждан путем преобразования городского пространства. Так, во-первых, мы можем говорить о визуализации городской среды символами исторической памяти. Эта наполненность городского пространства билбордами, рекламными макетами, «растяжками» и таблоидами, которые окружают жителей города и становятся частью городской повседневности. Также в рамках городского пространства важным инструментом политики памяти считается городской ландшафт и постройка и возведение памятников архитектуры, искусства и памяти.

Второй рассмотренный нами подход был региональным. В рамках этого подхода анализируются и сопоставляются различные особенности, возникающие на основе автономности регионов и влияющие на критерии формирования политики памяти. Данный подход не считается успешным, однако Д.А.Аникиным была предложена и рассмотрена стратегия развития государственной политики памяти путем усовершенствования и доработки регионального подхода. Программа региональной политики памяти

предполагает поэтапный трехуровневый подход формирования идентичности, общих ценностей и настроя целевой аудитории политики памяти как целенаправленного действия.

Также в рамках вопроса политики памяти были рассмотрены внешнеполитические и внутриполитические риски, препятствующие эффективной реализации государственной политики памяти.

# ГЛАВА 2. Пространство политики памяти в деятельности российских политических партий

## 2.1 Акторные основания политики памяти

В начале XXI века произошло не только изменение нарратива памяти во всей Европе, также была переосмыслена непосредственно природа культурной памяти. Эту сферу стали рассматривать в качестве части политики, в то время как раньше она виделась пространством изживания всего политического. Существовавший до этого подход содержал в своей основе устранение разногласий, которые наблюдались как в отдельных странах, так и в отношениях между различными нациями. Теперь же на первое место выступил антагонистический подход, заключающийся в превращении в памяти в поле непримиримых конфликтов.

Результатом можно назвать институционализацию политики, которая оказалась весьма интенсивной. Также в качестве важных результатов стоит упомянуть изменение подхода к изучению политики памяти, концентрацию на взаимодействии коммеморации и акторов в качестве методики конституирования групп, изменение в понимании роли исследователя: он стал рассматриваться в качестве непосредственного участника исследуемых процессов.

В России начало процесса институционализации политики памяти наблюдалось несколько позже. В качестве переломного момента можно назвать 2012 год, именно этим годом датировано создание Российского военно-исторического общества, Российского исторического общества. Также в данный период была открыта работа по созданию Историко-культурного стандарта, велась разработка проекта, впоследствии ставшего проектом по созданию тематических парков «Россия – моя история». В 2012 году приняли закон, касающийся иностранных агентов, появился проект «Бессмертный полк». В 2013 году стартовал проект «Последний адрес».

В 1960-1970-е годы шло создание нарратива памяти, который утвердился

в рамках ЕС в 1980-1990-х годах[53]. В его центре находился Холокост, который является абсолютно уникальным событием в истории Европы, как по масштабам, так и по дальнейшим последствиям. Стоит сказать, что в XXI веке данный нарратив начал сменяться «историей двух тоталитаризмов». Причиной этого стало давление новых членов, входивших в Европейский Союз. Здесь проводилось равенство между преступлениями коммунизма и преступлениями нацизма, Холокоста – с ГУЛАГом[54].

Изменения, наблюдаемые в тот период, имели отношение как к конструкции нарратива в Европе, так и к осознанию природы коллективной сферы публичной активности, носящей наименование культурной или коллективной памяти.

Опыт Германии считался в конце восьмидесятых – начале девяностых годов двадцатого столетия образцовым, причем в России в том числе[55]. В качестве его описания использовались такие понятия, как Vergangenheitsbewältigung или преодоление прошлого, а также Aufarbeitung der Vergangenheit – проработка прошлого. Данные процессы рассматривались в качестве морального императива, а также считались условиями, необходимыми для дальнейшего успешного развития общества.

Специалисты считали, что необходимо обсуждать прошлое, его трудные моменты, это должно было привести к тому, что народы, находящиеся прежде в состоянии конфликта, придут к взаимопониманию, примирению. Косвенным подтверждением упомянутого подхода являлись события, произошедшие в Западной Европе. В девяностых годах двадцатого века здесь существенно увеличилось количество государств, открыто и публично говоривших об

---

[53] Миллер А. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти // Полития. 2016. № 1. С. 111-121.

[54] Ghodsee K. A Tale of «Two Totalitarianisms»: The Crisis of Capitalism and the Historical Memory of Communism History of the Present // A Journal of Critical History. 2014. Vol. 4. No. 2. P. 115-142.

[55] Gabowitsch M. Foils and Mirrors: The Soviet Intelligentsia and German Atonement // Gabowitsch M. Replicating Atonement. Cham: Palgrave Macmillan. 2017. P. 267-302.

ответственности за Холокост[56]. Упомянутый подход несколько позднее назвали космополитическим[57]. Он заключался в постулировании возможности формирования общих нарративов, являющихся наднациональными. Они должны были популяризовать возможность создания общих для разных стран учебников истории. Также космополитический подход заключался в том, что имел место «критический патриотизм», принимающий во внимание в первую очередь постыдные эпизоды в истории нации. Это приводило к тому, что нарратив, основанный на страданиях собственной нации, полностью исключался.

Упомянутый подход к памяти воспринимался в качестве нормативного. Это привело к тому, что претенденты на вступление в Европейский Союз в определенной степени имитировали его, готовясь к получению членства в ЕС.

В том, каким образом велось политическое использование памяти в Западной Европе, имели место и репрессивные элементы, однако они воспринимались в качестве маргинальных. Примером можно назвать известный «спор историков» в Германии – его воспринимали в качестве спора правильного и неправильного восприятия прошлого. Этот спор должен был разрешиться и исчезнуть[58].

Исследования, которые велись в то время (среди них стоит в первую очередь упомянуть проект Пьера Нора, касающийся «мест памяти»), по большей части имели отношение к единому большому нарративу. Последний должен был формироваться нацией и служить для нее объединяющим фактором. При этом тот момент, что общий нарратив, описывающий необходимый подход к истории, приводил к неприятию других точек зрения,

---

[56] Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.

[57] Bull A.C., H.L.Hansen. On Agonistic Memory // Memory Studies. 2016. Vol. 9. No. 4. P. 390-404.

[58] Бергер Ш. Историческая политика и национал-социалистическое прошлое Германии, 1949—1982 гг. // Историческая политика в XXI веке / Ред.: Миллер А. и Липман М. М.: Новое литературное обозрение. 2012. С. 33-64.

не учитывался сознательно. Если имел место конфликт, и велось его обсуждение, этот процесс рассматривался в качестве ступени, необходимой для формирования общей позиции, общего нарратива, устранения несправедливостей, имевших место в прошлом[59].

Таким образом, имело место мнение, что политические законы не применимы и не являются рабочими в сфере культурной памяти. Данный подход привел к тому, что термин Geschichtspolitik или историческая политика, приобрел исключительно негативную окрашенность. Данный термин появился в контексте «спора историков». Он был необходим для того, чтобы обозначить невозможность участия политиков в формировании, восприятии и использовании культурной памяти для достижения ими определенных политических целей.

В то время культурную память воспринимали в качестве сферы, отделенной от политики. Считалось, что во главе угла в ней должно стоять «гражданское общество», иначе говоря – либерально-демократическая общественность.

Разрушением прежнего соглашения, однако, послужило столкновение с существующей в действительности восточноевропейской культурой памяти[60]. Последняя содержала в своей основе другие моменты. Основой являлся национализм, жертвой – главной, а возможно, и единственной – становилась собственная нация. Образец Германии, в основе которого лежало убеждение о том, что национализм обязательно приводит к нацизму, а также о том, что память должна основываться на покаянии, совершенно не воспринимался государствами Восточной Европы[61]. Конфликт скрывали до некоторого времени, а государства, которые заявляли о желании войти в ЕС, стремились показать свое крайне положительное отношение к космополитическому

---

[59] Todorov T. Memory as a Remedy for Evil // Journal of International Criminal Justice. 2009. Vol. 7. No. 3. P. 447—462.

[60] Миллер А. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти // Полития. 2016. № 1. С. 111-121.

[61] Krastev I., S.Holmes. Imitation and Its Discontents // Journal of Democracy. 2018. Vol. 29. No. 3. P. 117-128.

подходу в качестве общеевропейской ценности. Но ситуация была совершенно иной в действительности – подход посткоммунистических элит к политической памяти совершенно отличался[62]. Причем здесь стоит сказать не только о том, что имела место полная невозможность совместить виктимный нерратив, имевший место в странах Восточной Европы, с вариантом общеевропейского нарратива, присутствующего в Западной Европе. Скорее дело было в том, что присутствовало другое понимание сути культурной памяти. Стокгольмская декларация 2001 года, касающаяся коммеморации Холокоста, являлась наивысшей ступенью развития космополитического дискурса памяти, существовавшего в Европе. Сюда же стоит отнести взгляд, касающийся политического использования памяти. Память в данном случае рассматривалась в роли сферы для преодоления всего политического[63].

На рубеже двадцатого и двадцать первого века уже различались черты разрушения «космополитического консенсуса». Однако особенно заметными они стали после того, как Европейский Союз в 2004 году вступил в стадию резкого расширения в восточном направлении. В ЕС вошло одновременно десять новых государств, из них восемь являлись посткоммунистическими. После этого Европейский Союз утратил основной инструмент оказания воздействия на поведение их элит. Можно упомянуть о том, что уже в 2004 году в Польше можно было увидеть публикации, касающиеся исторической политики и говорящие о ней в совершенно другом свете, нежели имели в виду основатели термина Geschichtspolitik[64].

В данном понимании историческая политика являлась частью политики, как внутренней, так и внешней. Исследователи отреагировали на это

---

[62] Астров А. Историческая политика и «онтологическая озабоченность» малых центрально-европейских государств (на примере Эстонии) // Историческая политика в XXI веке / Ред.: Миллер А., Липман М., М.: Новое литературное обозрение. 2012. С. 184-215.

[63] The Declaration of the Stockholm International Forum on the Holocaust. 2000 [Электронный ресурс] - URL: https://www.holocaustremembrance.com/stockholm-declaration (accessed 20.05.2020)

[64] Cichocka L., A.Panecka Polityka historyczna: historycy — politycy — prasa / Ed.: A.Panecka Warszawa: Muzeum Powstania Warszawskiego. 2005. 272 p.

следующим образом: осудили упомянутый сдвиг, выраженные в нем убеждения[65]. Но с течением времени задача изменилась с морального осуждения на проведение исследования данного подхода и последствий данной методики с точки зрения исследования культурной памяти. Можно сказать, что исследованию подвергались политики памяти и политические использования истории[66].

Космополитический подход является неискренним или неправильным, если концентрироваться на политике памяти, политическом использовании истории, исторической политике. Такой подход не принимает во внимание или отрицает, исходя из собственной корысти, наличие борьбы различных мнемонических акторов в данной сфере. Интересы последних зачастую непримиримы[67].

Таким образом стоит вести речь не о диалоге, нацеленном на устранение существующих противоречий, но о том, что политические оппоненты вели антагонистическое противостояние. Причем непримиримость последнего основывалась на том, что культурная память была определена в качестве связанной напрямую безопасности государств, наций и демократии, а также на том, что сфера культурной памяти стала активно применяться в качестве средства для самоутверждения групп, которые желали добиться преимуществ в качестве компенсации за несправедливости, оскорбленные чувства, для артикуляции «травматического опыта». Именно тогда возникло понимание того факта, что акты коммеморации являются констатацией наличия группы[68].

Антагонистическим актом называют любую попытку оспорить групповой нарратив, имеющую место в случае наличия вопроса, касающегося

---

[65] Миллер А. Введение: Историческая политика в Восточной Европе начала XXI в. // Историческая политика в XXI веке / Ред.: Миллер А. Липман М. М.: Новое литературное обозрение. 2012. С. 7-32.

[66] Hartog F., Revel J. Note de conjoncture historiographiqu // Les usages politiques du passé / Ed. Hartog F., Revel J. Paris: Editions de l'Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales, 2001. P. 13-25.

[67] Molden B. Resistant Pasts versus Mnemonic Hegemony: On the Power Relations of Collective Memory // Memory Studies. 2016. Vol. 9. No. 2. P. 125-142.

[68] Olick J.K. Collective Memory: The Two Cultures // Sociological Theory. 1999. Vol. 17. No. 3. P. 333-348.

безопасности или непосредственно существования какой-либо группы, ее прав. Исследователями был сформирован термин «mnemonic warriors» или «воители памяти». Он был предназначен для описания мнемонических акторов, настроенных друг к другу непримиримо. Исследователи, предложившие термин, имели в виду то, что поведение упомянутых акторов содержит в своей основе осознание собственной правоты[69]. В качестве демонстрации сути упомянутого термина стоит указать на борьбу с памятниками, наблюдавшуюся во многих государствах. Убежденность в собственной правоте, о которой ведется речь, не является обязательной характеристикой. Так называемые «воители памяти» признают право любой национальной группы иметь свой нарратив. Однако они настаивают на том, что их нарратив отличается достоверностью и полнотой, а также на том, что имеют право считать именно так. Для них важно утвердить права собственного нарратива. При этом они считают любые критические замечания, касающиеся нарратива, в качестве диверсионной политики против его единства и сплоченности. Именно эти факты являются причиной высокой и необычной активности государств, расположенных в Восточной Европе, касающейся создания законодательных актов. Последние запрещали попытки оспорить определенную интерпретацию, которая задавалась национальными нарративами[70].

Именно по этой причине стоит указать на важность того момента, что именно принимает во внимание воинственный мнемонический актор, изменяя нарратив. Здесь стоит понять, может ли он в действительности изменить свою позицию или пытается придать своему нарративу меньшую уязвимость для критических замечаний, при этом не изменяя его сущность.

Два упомянутых подхода существенно отличаются друг от друга, один из них может состоять в попытке возвращения к «критическому патриотизму»,

---

[69] Bernhard M., J.Kubik. Twenty Years after Communism: The Politics of Memory and Commemoration. Oxford: Oxford University Press, 2014. 384 p.

[70] Koposov N. Memory Laws, Memory Wars: The Politics of the Past in Europe and Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 338 p.

другой – попытки сделать нарратив этнической виктимизации и непогрешимости более прочным[71].

Интенсивная институционализация политики памяти может быть определена в качестве одного из последствий описания культурной памяти в качестве сферы политического, сферы непримиримого конфликта. Политическим акторам требуются специальные инструменты, которые позволяют им принимать активное участие в политике памяти. Ими проводится масса экспериментов с учебниками, мемориалами, музейными комплексами, также они изобретают новые, например Институты национальной памяти. Здесь стоит указать на процессы, непосредственно связанные между собой: стремление преобладающих элит сформировать независимые институты, обладающие свободой в проведении определенной политики памяти в сравнении с государственными структурами, а также контроля автономных инициатив. Необходимо понимать, что подобные инициативы имеют возможность поддаваться такому контролю.

Когда политика признает культурную память, это приводит к изменениям в понимании задач, а также принципов функционирования последней, ее изучения.

В качестве наиболее масштабной попытки переосмысления упомянутых подходов и способов стоит упомянуть попытку группы авторов. Они говорили о том, что наступила третья волна «memory studies»[72]. Они внесли предложение о рассмотрении производства памяти в качестве элемента процесса создания идентичностей, а также появления сообществ[73]. Ранее при обсуждении политики памяти речь, по большей мере, шла о том, каким образом строить нарратив, выбирать основные места памяти, методах продвижения нарратива, для чего использовались учебники, музеи,

---

[71] Миллер А., Ефременко Д. Методологические вопросы изучения политики памяти. М., СПб.: Нестор-История. 2018. 224 с.

[72] Feindt G., F.Krawatzek, D.Mehler, F.Pestel, and R.Trimcev. Entangled Memory: Toward a Third Wave in Memory Studies // History and Theory.2014. Vol. 53. No. 1. P. 24-44.

[73] Hutchinson J. Nationalism and War. New York: Oxford University Press. 2017. 232 p.

памятники, памятные даты. Затем же во внимание стали приниматься конфликты между нарративами, борьба за музеи, памятники. Последствием этого должно было стать пристальное внимание исследователей к акторам и институтам. Причем последние два воспринимались в качестве устойчивых практик и организаций. Помимо этого, исследовалось их взаимодействие в рамках процессов коммеморации[74].

Авторы, написавшие статью, касающуюся «третьей волны», также говорят о том, что имело место изменение понимания роли, играемой непосредственно исследователями. Последние являлись активными членами общества, поэтому принимали участие в идейных и политических конфликтах. Таким образом, ученые стали участниками политики памяти. Особенно заметно это можно отследить сегодня, когда наиболее важными элементами политической ситуации являются войны и конфликты. Причем неважно, о чем идет речь: о спорах, касающихся обсуждения исторических событий (от Второй мировой войны до событий в Соединенных Штатах Америки во время войны Северных и Южных Штатов), или об обсуждениях судьбы процессов глобализации и либеральной демократии, которые казались совершенно неоспоримыми. В качестве примера данной политической вовлеченности стоит упомянуть статью, приведенную в одном из номеров «Memory Studies». В этой публикации содержится описание современной ситуации, сложившейся в странах Европы и Соединенных Штатах Америки, в качестве угрозы, которая может привести к новому распространению фашизма. Здесь напрямую указано то, что у исследователей памяти имеются определенные обязанности и политические задачи[75].

Такого рода политизированность и своего рода паникерство можно чаще всего увидеть в социальных сетях. Однако на данный момент они вновь и вновь появляются в известных изданиях, посвященных науке, а также в стенах

---

[74] Koposov N. Memory Laws, Memory Wars: The Politics of the Past in Europe and Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 338 p.

[75] Levi N., M.Rothberg. Memory Studies in a Moment of Danger: Fascism, Postfascism, and the Contemporary Political Imaginary // Memory Studies. 2018. Vol. 11. No. 3. P. 355—367.

высших учебных заведений.

Упомянутые тенденции приводят к тому, что влияние политических акторов становится более интенсивным, а создание институциональной среды политики памяти также наблюдается и в России, однако, с собственной спецификой. Проанализировав российские государственные программы патриотического воспитания, рассчитанные на пятилетний срок и принятые в 2005, 2011 и 2015 годах, Питер Бюргер говорит о том, что реализация первой программы практически полностью осуществлялась Министерством культуры и Министерством по делам печати. При этом программа 2011 года направляла основную часть финансирования в адрес специализированных правительственных агентств, которые к тому времени были уже созданы. А начиная с 2010 года началось активное строительство НПО, работающих с данной проблематикой и имеющих тесные связи с властью[76].

Основным местом в патриотическом воспитании на протяжении длительного времени остается политика памяти, причем в особенности стоит сказать о коммеморации военных подвигов. На стыке первого и второго десятилетий двадцать первого века в России наблюдается резкое ускорение институционализации политики памяти. Особенно заметным это становится на фоне предшествующего явного отставания России в данном моменте от большей части соседних государств.

В июле 2012 года был принят закон об иностранных агентах. В результате сложились условия, при которых упомянутый процесс резкой институционализации политики памяти стал наиболее заметным. Принятый закон сделал финансирование НПО, производимое из зарубежных источников, значительно более трудным. Помимо этого, наблюдалось быстрое увеличение объема государственных влияний в данную сферу. Все упомянутые факторы сделали еще более четкой роль государства в качестве основного актора и звена, регулирующего политику памяти. Основная часть финансирования от

[76] Bürger P. State Programs, Institutions and Memory in Russia // Politics and Legitimacy in Post-Soviet Eurasia / Eds.: Brusis M., J.Ahrens, and Wessel M.S. London: Palgrave Macmillan, 2016. P. 172-192.

государства направлена на патриотическое воспитание, а также на функционирование НПО, организованных властью или провластных. Однако финансирование попадает и к автономным структурам, в течение длительного времени функционирующим в упомянутой сфере. При этом наблюдается изменение их взаимоотношения с государственными властями, а также формирование новых инициатив, борющихся за свою независимость. В качестве примера стоит упомянуть предоставление в 2016 году крупного гранта от государства в адрес Фонда «Холокост». Также интересным является постоянное получение проектом «Последний адрес» грантов от Фонда «Президентский центр Б.Н. Ельцина».

Система грантов, существующая в России, с течением времени стала главным источником получения финансирования для исследований памяти. Это, несомненно, оказывает существенное влияние на то, какие темы выбираются для исследовательских проектов. Все это приводит к большей интенсивности самоцензуры ученых. Однако следует указать и другой важный фактор. Исследователи памяти весьма активно привлекаются новыми институтами в сфере политики для роли экспертов. Последствия этого являются неоднозначными. Соглашаясь или отказываясь принимать участие в экспертизе, исследователи уже вынуждены делать политический выбор, демонстрировать готовность или несогласие сотрудничества с определенным институтом. Причем дело здесь не только в упомянутом выборе. Инсайдерская информация, которая не может быть получена извне, очень важна при изучении институтов, в отличие от изучения нарративов. Исследователь же, попадая внутрь определенного института, попадает под ограничения, накладываемые корпоративной этикой. Все это несет за собой сложности, которые будут анализироваться лишь в дальнейшем.

В период с 2009 по 2012 годы существовала Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Она лишь нанесла ущерб имиджу, не оставив заметного следа. Однако в 2012 году появились две всероссийские организации, которые близко

сотрудничали с властью. Это Российское военно-историческое общество и Российское историческое общество. Если анализировать ситуацию сегодня, то можно сказать, что Российское военно-историческое общество, основанное прямым указом президента[77], существенно опережает Российское историческое общество в институциональном развитии. Российское военно-историческое общество имеет отделения во всех субъектах Федерации, все они обладают значительной поддержкой власти в регионах, при этом во главе практически половины отделений организации стоят региональные чиновники высокого ранга. Под патронажем Российского военно-исторического общества находится масса патриотических и реконструкторских организаций. Российское военно-историческое общество функционирует в такой области политики памяти, где государству легче добиться взаимопонимания с обществом, ведь коммеморация героев войны во все времена оставалась основным элементом национальной идентичности[78].

Однако роль Российского исторического общества также следует оценивать по достоинству. Ведь данная организация курирует перестройку преподавания истории в школах, что является иной, но также очень важной институциональной сфере политики памяти. В 2012 году по инициативе президента был создан Историко-культурный стандарт. Таким образом, контроль школьной программы по истории стал более тщательным. Это касается и региональной составляющей. Стоит сказать, что одной из основных проблем в современной российской политике памяти является гармония локальных групповых нарративов и общегосударственного большого нарратива.

Перейдем к следующему крупнейшему актору в области политики партии – Русской православной церкви. Она находится в тесном сотрудничестве с

---

[77] Указ Президента Российской Федерации от 29.12.2012 г. № 1710 «О создании Общероссийской общественно-государственной организации «Российское военно-историческое общество»» // Официальный сайт информационно-правовой информации. [Электронный ресурс] - URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102162441 (дата обращения: 09.05.2020).

[78] Hutchinson J. Nationalism and War. New York: Oxford University Press. 2017. 232 p.

государственной властью, имеет целую сеть епархиальных музеев, контролирует значительное количество мемориалов, которые имеют отношение к политическим репрессиям. Примером стоит назвать Бутовский полигон. Некоторые исследователи говорят о том, что Русская православная церковь при содействии государственной власти получила влияние над «Мемориалом», участвуя в борьбе за формы коммеморации жертв репрессий[79].

В 2013 году начала свою работу выставка «Православная Русь. Романовы», став шагом к созданию тематических парков «Россия – моя история», решение о формировании региональной сети которых было принято в 2016 году. Однако первые элементы экспозиции можно было увидеть в одном из павильонов ВДНХ еще в 2015 году. С течением времени к контролю Русской православной церкви за этим новым институтом прибавилось участие в процессе Российского военно-исторического общества. С особенным вниманием следует отнестись к сочетанию регионального и общего, наблюдающемуся в тематических парках.

Стоит сказать, что тематические парки воплотили тенденцию, наблюдаемую в государствах Восточной Европы с начала XXI века, причем сделали это на совершенно новом уровне. Музей был переосмыслен в качестве нового представления нарратива, а не обычного объекта для хранения артефактов.

Одними из первых таких экспозиций можно назвать выставку о Голодоморе, которая была организована по поручению Виктора Ющенко, а также рижский Музей оккупации, где в дополнение к плакатам представлено достаточно ограниченное количество мультимедийных средств. Такие экспозиции становятся особенно ценными для политики памяти, в особенности в больших государствах, именно по причине возможности их репликации.

В государствах Восточной Европы партийная конкуренция выражена

[79] Bogumił Z., Gulag Memories: The Rediscovery and Commemoration of Russia’s Repressive Past. New York: Berghahn Books. 2018. 248 p.

весьма четко, здесь можно видеть, как функционирование ряда музеев происходит под контролем и при поддержке политических партий. При этом наблюдается новое представление соответствующей исторической версии. В качестве примера стоит упомянуть Дом террора в Будапеште, где продемонстрирован «мученический» нарратив партии «Фидес», а также Мемориальный центр Холокоста в этом же городе, где показан нарратив «критического патриотизма».

В странах Восточной Европы создано большое количество музеев геноцида, террора и оккупации. Все они сосредоточены на мартирологии собственной нации. С течением времени, в процессе увеличения популярности левых сил имеет место подавление ностальгических настроений, а также подкрепление нарратива, который связывает левую идею с образом тоталитарных репрессий[80]. Данный процесс особенно заметен в противодействии двух берлинских музеев: государственного, который ставит акценты на терроре и контроле, а также частного, пользующегося гораздо большей популярностью и демонстрирующего повседневный быт коммунистической Восточной Германии.

Интересна для исследователей и судьба гданьского Музея Второй мировой войны. Благодаря ей, можно указать на еще одно важное измерение процесса институционализации политики памяти. Этот музей, большую роль в создании которого играл Международный консультативный совет, должен был стать местом общеевропейской памяти, в нем видели доказательство того, что имеет место тенденция к глобализации памяти, несмотря на то, что польская почва для этого является весьма непростой. Однако после того, как на выборах победа была одержана «Правом и справедливостью», формат музея, уже готового к открытию, был изменен в организационном плане. Руководство музея поменялось, что привело к тому, что «национальное» стало главенствовать над «общим». Имел место скандал, в котором директор музея

[80] Ghodsee K. A Tale of «Two Totalitarianisms»: The Crisis of Capitalism and the Historical Memory of Communism History of the Present // A Journal of Critical History. 2014. Vol. 4. No. 2. P. 115-142.

прервал выступление польского музыкального коллектива, приглашенного самим музеем. После этого он выгнал участников. Причиной этого стало исполнение песни «Темная ночь», которая, по его словам, была проникнута пропагандой большевизма[81].

Стоит обратить внимание на музей ГУЛАГа, который осознанно делает историю лагерей менее негативной, ситуацию с музеями обороны и блокады Ленинграда, музей «Пермь-36». Судьбы всех упомянутых объектов нуждаются в пристальном анализе. Несмотря на то, что открытая «партийность» здесь не наблюдается, вопросы, связанные с институциональным контролем, являются решающими.

Интересно обратить внимание и на процессы, наблюдаемые в медиа. В России в последнее время сформировалась система научно-популярных исторических журналов. Таких специальных изданий в советское время в стране не существовало. Либеральным является «Дилетант», консервативным – «Историк», а в центре находится «Родина». Эти издания нельзя назвать в действительности традиционными, ведь их читателей в социальных сетях больше, нежели приверженцев бумажной версии. Активным развитием отличаются новые медийные формы, например блоги. Сегодня количество людей, просмотревших рецензию на очередной исторический фильм, часто оказывается большим, нежели число тех, кто смотрел фильм в кинотеатре. Поэтому не стоит недооценивать важность новых медиа.

Несмотря на то, что власти предпринимают определенные действия, регулировать интернет трудно. Это имеет отношение и к политике памяти. Анализируя процесс институционализации политики памяти, а также усиление роли государства, выраженное в возникновении значительного количества НПО, связанных с органами власти, значительное уменьшение возможностей негосударственного финансирования, стоит обязательно принимать во внимание и ряд ограничений, с которыми сталкиваются власти,

[81] Кувалдин С. «Темная ночь» одна на всех. Кто и почему запретил советскую песню в Польше // Сноб. 2018 [Электронный ресурс] - URL: https://snob.ru/ entry/177406/ (дата обращения 07.05.2020).

стремясь контролировать данную сферу. В качестве примера назовем «Бессмертный полк». Данная инициатива особенна тем, что может быть скопирована. Следствием этого становится возникновение новых независимых структур. Таким образом, данная инициатива становится законной социальной практикой[82].

Также примером является «Последний адрес». Здесь была выстроена система финансирования, дающая возможность поддержки проекта без привлечения государственных субсидий. Правда, эта организация все же получает государственные деньги. Финансовая проверка, инициированная лидером «Последнего адреса» Сергеем Пархоменко, в качестве первого шага для закрытия проекта, стала просто проверкой. В основном причиной стали издержки, которые связаны с попытками препятствования деятельности, в действительности данные издержки превратились в устойчивые практики. Достаточно интересным с данной точки зрения стоит назвать неудачу, которую потерпели власти Москвы, сделав попытку убрать с Лубянской площади церемонию «Возвращение имен». Сделано это было под предлогом необходимости проведения ремонтных работ. «Мемориал», который проводил эту церемонию у Соловецкого камня, в 2018 году получил предложение проводить ее около памятника жертвам политических репрессий, расположенного на проспекте Сахарова. Ответом стал негатив в социальных сетях. Власти осознали угрозу того, что будет иметь место массовое гражданское неповиновение, и уступили, отменив свое решение[83].

Здесь стоит сказать о ситуации, в которой общественная практика была так признана в сознании масс, что лишь попытка (даже не запрет) изменения ее проведения привела для властей к возможности столь больших издержек,

---

[82] Gabowitsch M. Are Copycats Subversive? Strategy-31, the Russian Runs, the Immortal Regiment, and the Transformative Potential of Non-hierarchical Movements // Problems of Post-Communism. 2016. Vol. 65. No. 5. P. 297—314.

[83] Власти Москвы предложили перенести на проспект Сахарова акцию «Возвращение имен» // Ведомости. 2018 [Электронный ресурс] - URL: https:// www.vedomosti.ru/politics/news/2018/10/20/784196-vozvraschenie-imen (дата обращения 13.05.2020).

что решение было отменено. «Последний адрес» уже можно внести в категорию устойчивых практик, как и «Мемориал», который подвергался продолжительному давлению властей, однако добился того, чтобы опровергнуть его причисление к иностранным агентам[84]. Также важным является измерение историй, касающихся «Возвращения имен» и «Последнего адреса». Это различие стратегий коммеморации, которое является обычным для государственных и автономных инициатив.

Двусторонний барельеф «Стена скорби», расположенный на проспекте Сахарова, содержит на себе лишь имена скульптора-создателя Георгия Франгуляна и президента РФ Владимира Путина, который издал указ об установке мемориала. Однако под пристальным вниманием «Возращения имен» и «Последнего адреса» находятся именно имена жертв и их индивидуальность. То же самое можно сказать о мемориале, открытом в 2017 году в Бутово на общественные средства, а также о «Стене памяти». Последний объект возведен «Мемориалом» в 2018 году на объекте «Коммунарка» - бывшем специальном объекте НКВД. Средства на его возведения предоставлены Фондом увековечения памяти жертв политических репрессий.

Сегодня отсутствие индивидуальной составляющей является отличительной чертой традиции государства, соблюдаемой в мемориализации. Стоит сказать, что институционализация политики памяти в России, начиная с 2012 года, изменилась. В этом году были созданы Российское историческое общество и Российское военно-историческое общество, также стартовала работа над Историко-культурным стандартом. Основан и проект, ставший прародителем тематических парков «Россия – моя история», принят закон, касающийся иностранных агентов. В 2012 году появился «Бессмертный полк», в следующем – «Последний адрес».

---

[84] Минюст не включил НИПЦ «Мемориал» в реестр иностранных агентов // Мемориал. 2019 [Электронный ресурс] - URL: https://www.memo.ru/ru-ru/memorial/departments/intermemorial/news/235 (дата обращения 07.05.2020).

Очередным важным периодом стали 2013-2014 годы. В результате событий, произошедших на Украине, а также после присоединения Крыма к России, контроль над публичной сферой стал более жестким. Это привело к тому, что ряд важных инициатив, касающихся партнерства общества и государства, не увидели свет. Совет по развитию гражданского общества и правам человека подготовил программу коммеморации жертв политических репрессий, она была утверждена в 2013 году. Однако ее свернули. Также снизился энтузиазм властей, касающийся инициативы «Последний адрес».

На данный момент практически утрачена готовность использования культурной памяти в качестве пространства для диалога и сотрудничества с оппозиционно настроенными сегментами общества, которая была ярко выражена в начале второго десятилетия XXI века. Таким образом, в соответствии с вышесказанным, можно в общем и целом описать, каким образом происходит институциональное измерение политики памяти. Работа по изучению данного процесса связана с изменением методик и подходов, акцентированием на взаимодействии коммеморации и акторов в качестве способа конституирования групп. Также требуется новое понимание места, занимаемого исследователем в упомянутых вопросах. Очень важным вкладом в данную работу отличается монография «Политика памяти в России и Восточной Европе: институты, акторы, нарративы»[85].

[85] Миллер А., Ефременко Д. Политика памяти в России и Восточной Европе: институты, акторы, нарративы. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2018. 632 с.

## 2.2 Партии как акторы политики памяти: структура и контуры конфликтов

Политики памяти - деятельности акторов, обладающих политической властью, направленной на утверждение конкретных образов прошлого через отбор и интерпретацию фактов истории с использованием средств правового регулирования, образовательной и культурной политик. Для данного процесса применяются всевозможные визуальные практики, среди которых стоит упомянуть символику государства и памятники, а также практики вербального характера, то есть исторические учебники и политические речи. Именно поэтому так называемая «историческая политика» - всего лишь частный случай политики памяти. Она отличается тем, что в ней активное участие принимают структуры власти, также преобладает характер конфронтации, преследуются идеологические интересы.

На сегодняшний день государства продолжают играть роль основных акторов политики памяти. Это связано с тем, что государства имеют возможность создавать коммеморативные практики, составлять и передавать определенные образы прошедшего при помощи средств массовой информации и образовательных учреждений. Но сегодня устаревшим видится осознание пространства памяти в качестве зоны разделения исторических интересов. Это, скорее, наблюдалось в XIX веке. Идея, связанная с созданием национального государства, состояла в необходимости формирования общих воспоминаний. Это должно было привести к сплочению индивидов и сообществ, формированию единого политического образования. На сегодняшний день общество является усложненным вариантом пересечения политических практик, которые, в конечном итоге, направлены на создание моделей обращения к истории. Символический потенциал в значительной мере утрачивается государствами, его берут на себя другие политические акторы, среди них – политические партии, интернет-сообщества и общественные организации. Новое видение прошлого, которое формируется ими, входит в общее направление исторического сознания. Таким образом, это

оказывает значительное влияние на изменение государственной политики памяти.

Данная тенденция является общей, она наблюдается и развитых, и в развивающихся странах. Она обязательно должна принимать во внимание нюансы и особенности тех полей (если использовать терминологию, предложенную Джефри Оликом), где происходят конкуренция акторов по поводу политики памяти. Российский кейс в этом смысле представляет интерес, так как он явно демонстрирует крах глобального объяснительного нарратива и пришедшей на смену этому плюралистичную картину, которая, тем не менее, не смогла утвердиться полностью. Можно отметь очередной ностальгический откат в обществе, наличие противоречий внешнеполитического характера, складывающихся у России с Западными странами.

Стоит сказать, что интерес, проявляемый к негосударственным акторам политики памяти, в последние годы в России стал значительно более интенсивным. Среди прочего, в качестве объектов данного интереса можно упомянуть церковь[86], а также общественные организации[87]. Но политические партии в России в качестве субъектов политики описаны в очень небольшом объеме.

Изучить политические партии в России в качестве акторов политики памяти непросто. В первую очередь следует задать вопрос о том, чем являются ведущие думские российские партии в качестве субъектов исторической политики. Также нуждается в анализе вопрос, касающийся особенностей реализации исторической политики в работе ведущих думских партий.

Партийная система в Российской Федерации, в большой мере, выглядит

---

[86] Zimmermann M. Die Russische Orthodoxe Kirche als erinnerungspolitischer Akteur (1995–2009) Der Schießplatz Butovo als Fallbeispiel für die postsowjetische Gedenkkultur // Sowjetische Verbrechen und russische Erinnerung. Orte – Akteure – Deutungen (Europas Osten im 20. Jahrhundert/ Jörg Ganzenmüller, Raphael Utz. München: de Gruyter Oldenbourg. 2014. S. 59–90.

[87] Миллер А. Роль экспертных сообществ в политике памяти в России // Полития. 2013. № 4. С. 114-126.

как продукт той системы политической обстановки, которая основывалась в первое постсоветское десятилетие. В полной мере данная система сложилась в контексте патерналистских тенденций и политического реваншизма, наблюдаемых в начале XXI века.

В первое постсоветское десятилетие государство перестало вести определенную историческую политику. Оно лишь ситуативно высказывалось по отношению к определенным событиям. Те политические партии, которые появились в девяностые годы двадцатого века, использовали разнообразные нарративы обращения к истории, при этом они желали сочетать между собой логичность и последовательность исторических взглядов и актуальную политическую выгоду. Особенно заметным это было с точки зрения нового представления образов Октябрьской революции, произошедшей в 1917 году. Примером может стать КРПФ, которая смогла изменить большой объем собственных основных положений. Ряд противоречащих идеологической доктрине марксизма-ленинизма положений, касающихся вопросов частной собственности, вопроса религиозности, пришлось принять. Однако, отказаться от принятия значения роли Октябрьской революции как точки бифуркации, отправной точки доминирования советского проекта на территории России, представители коммунистической партии не смогли, своего рода это стало «неудобной памятью». Г.А. Зюганов – лидер партии – указывал в 1994 году на то, что «предпосылки российской революции зрели давно и последовательно, являясь в равной мере следствием ошибок русского правительства во внутренней политике и внешнего, разлагающего влияния западной цивилизации»[88]. Удалось лишь сместить фокус внимание на внешний аспект противостояния России и Запада, представив это как очередной виток конфликтного взаимодейтсвия.

Сторонники либеральной стороны держались противоположной точки зрения. Они хотели видеть в революции крах социума, находящегося в стадии

[88] Зюганов Г.А. Взгляд за горизонт // Обозреватель. 1994.№ 18. С. 143.

реформирования. Также они видели в ней причину того, что Российская империя не смогла превратиться в современное демократическое государство.

Г. Попов, являющийся одним из представителей «демократического лагеря», говорил о том, что «Советский строй в конечном счете не разрешил ни одного из породивших его кризисов. Таков итог Октября для России»[89]. Идеолог экономической реформы, произошедшей в 1992 году – Е.Т. Гайдар, который основал партию «Выбор России», соглашался с Поповым. Он анализировал события, произошедшие в 1917 году, соотнося их с трудоемким изменением постсоветской России. При этом он утверждал: «Либералам, демократам никогда не нужны великие потрясения. Потрясения – питательная среда авантюристов. Но если бы в 1989–90 гг. демократы ограничились такими словами, они бы слукавили. Надо было сменить отжившую себя систему. Задача была демонтировать ее мирным путем, с помощью эволюции, а не революции, но очевидно, что полностью избежать здесь потрясений было невозможно в принципе»[90].

Осмысление государством Октябрьской революции в девяностых годах было бессистемным. Оно происходило, в большой мере, по причине установившейся определенной политической ситуацией – опасной вероятностью победы коммунистической партии на выборах 1996 года. Именно поэтому упор официальными органами власти делался на отрицательный характер изменений, привнесенных Октябрьской революцией. Например, Н.Д. Егоров - руководитель администрации Президента РФ – говорил следующее: «Нам придется снова выбирать между продолжением демократических реформ и поворотом вспять. Но назад дороги нет, сзади – пропасть. Еще одной разрушительной революции Россия просто не выдержит»[91].

---

[89] Попов Г. Месяц Скорпиона, год Красной Змеи // Известия. 1997. № 212

[90] Гайдар Е.Т. От выборов нельзя уйти или спрятаться. Их надо выиграть // Известия. 1995. № 64.

[91] Егоров Н. Д. Июньские выборы: за стабильность и за потрясения? // Российская газета. - 1996. № 53.

Очередные выборы в Госдуму, которые проходили в 2003 году, показали в окончательной мере то, как сложена многопартийная система, когда имеет место преобладание одной из партий – «Единой России». Стоит сказать, что такие особенности партийной системы, а также активизация государства в роли субъекта исторической политики, привели к значительному снижению роли партий как основных действующих лиц политики партии и символической политики.

Также важным моментом, касающимся изменения исторической политики, можно назвать формирование новых практик коммеморации, которые необходимы для символического перекодирования тех ситуаций прошлого, которые бы могли привлечь электорат. 4 ноября 2004 года было официально объявлено Днем народного единства, были проведены массовые мероприятия. Еще в девяностые годы велись попытки снизить значимость годовщины Октябрьской революции, однако, несмотря на это, обращение власти, производимое с опорой на правые и пронационалистические политические силы, к ресурсам альтернативного характера было довольно положительным. Во всяком случае, все это актуально, если принять во внимание точку зрения нейтрализации революционных коннотаций в историческом сознании масс.

Важным моментом, который оказал влияние на сглаживание контуров символического пространства, можно назвать либерализацию избирательного законодательства. Это произошло в 2012 году и привело к значительному снижению критериев формирования политической партии. Ряд партий, условно поделивших идеологические предпочтения, имеет достаточно устойчивый электорат, который меняется крайне медленно.

В соответствии с итогами парламентских выборов в 2016 году можно сказать о том, что из четырнадцати официально зарегистрированных партий только четыре сумели пересечь установленный пятипроцентный барьер, сформировав фракции новой Государственной думе. Победу одержала партия «Единая Россия», которая получила более половины голосов от массы

пришедших на участки избирателей. Причиной этого являются особенности партии в качестве стандартного примера «партии избирателей». Партия заняла центристскую позицию, а также представляет себя как «партия Президента». Таким образом, она автоматически использует ряд политических образов, в том числе и элементов исторической политики, которые применяются в государственном дискурсе.

В качестве основной тенденции стоит упомянуть вполне явное ослабление партий социалистического фланга, при этом правые укрепляются – ЛДПР. Все это показывает, что с течением времени усиливаются консервативные направления в сознании масс. Это очень важно понимать, так как изменение массового сознания приводит к такой ситуации для политических партий, когда они должны показывать свое положительное отношение к традиционным ценностям. Причем делать это им приходится даже тогда, когда их собственные идеологии слабо сочетаются с содержанием традиционализма и консерватизма. Важность политики памяти в роли неотъемлемой детали политической идеологии определяется в данном случае устойчивой ориентацией на обнаружение идеалов политической деятельности в прошлом. Причем это происходит даже в том случае, когда политика памяти имеется в программных заявлениях или лозунгах латентно, то есть в качестве отсылки к какой-либо текстовой информации или определенным персонажам истории.

Таким образом, можно сделать вывод, что в постсоветской России существовали две ступени взаимодействия политических партий и государства в роли акторов политики памяти:

1. Первая ступень сопровождалась разрушением системы основных мифов, которые являлись определяющими для советской модели прошлого. Здесь можно упомянуть две тенденции, отличающиеся совершенно разными направлениями. Первая – попытка сохранить советскую модель осознания и восприятия прошлого в качестве неизменной (имеет отношение к КПРФ). Вторая – актуализация моделей, которые были табуированы при советском

нарративе, то есть это такие образы прошлого, которые ищут свои основания в величии имперского прошлого России, предполагающие иной путь развития, прерванного революцией (это Яблоко и ЛДПР). Данная ступень характеризуется тем, что советское наследие являлось неотделимым элементом, совершенно необходимым для создания моделей исторической памяти. Оно могло использоваться в качестве отправной точки или основы. Государственные структуры, сформированные недавно, почти не принимали участия в создании целенаправленной политики памяти. Они лишь подлатывали те историко-идеологические формирования, которые окончательно составились в позднесоветское время (здесь роль сыграла Победа России в Великой Отечественной войны).

2. Вторая ступень характеризуется медленным увеличением тех исторических ресурсов, которые применяются для узаконивания политической системы либо для обнаружения оснований для ее изменения. Так как символические ресурсы недавнего прошлого исчерпаны, требуется искать новые образы прошлого либо переосмысливать существующие идеологические мифы, взятые из советской, и даже имперской истории. Значительной ролью обладает отсутствие в первые постсоветские годы государственной политики памяти, имеющей определенную цель. Это привело к тому что сформировались локальные коммеморативные практики. Они использовали особенно значительные образы истории, вписывая их в историю некоторых сообществ. Таким образом, разделение пространства памяти, которое существовало в советском обществе, является очень важным моментом. Он оказал влияние на то, какое отношение к прошлому формируется в современном обществе в России. Государству присваивается роль, которая не исполнялась им прежде. Оно не снимает с себя ответственность за то, каким образом проводится историческая политика, однако начинает становиться судьей для того, чтобы создать подвижное равновесие между моделями, в соответствии с которыми воспринимается прошлое.

О.Ю. Малинова разработала методику исследования политических нарративов для того, чтобы проводить анализ посланий президента с точки зрения исторической памяти[92]. После внесения ряда дополнений и уточнений можно сказать, что категориями для классификации для проведения контентного анализа должны применяться упоминания периодов истории, частота этих упоминаний, особенности высказывания, которое может быть нейтральным, положительным или критическим, преемственность исторического опыта государства, общая политика памяти в виде концепции, имеющиеся практики реализации политики памяти.

Объектами изучения становятся предвыборные программы таких политических партий как «Единая Россия», «КПРФ», «Справедливая Россия», «ЛДПР», «Родина», «Гражданская платформа», пресса, их законодательные инициативы, информация, размещенная на официальных сайтах политических партий, в которой содержатся текущие мероприятия партий.

Все упомянутые выше партии в 2016 году вошли в Государственную думу VII созыва. Именно поэтому они могут обладать существенным преимуществом перед другими политическими акторами. Также изучались программные документы, принадлежащие партии «Яблоко». Эта партия – одна из наиболее давно существующих, а также обладающих достаточной популярностью, даже несмотря на то, что она не вошла в состав Государственной думы VII созыва.

Все программы партий содержат в себе отсылки к истории. Однако меньше всего таких отсылок обнаружено у «Справедливой России» и «Единой России». Конечно, при этом нельзя сказать, что данная тема вовсе не имеет отношения к работе упомянутых партий. Здесь речь идет о значительном числе аргументов, в основании которых лежат исторические выводы. Прошлое здесь представлено в качестве объекта восстановления исторических памятников, а также помощи ветеранам Великой Отечественной войны (речь

[92] Малинова О.Ю. Использование прошлого в российской официальной символической политике (на примере анализа ежегодных президентских посланий) // Историческая политика в XXI веке. М.: Новое литературное обозрение. 2012. С.368-395.

идет о «Справедливой России» и «Единой России»). Также помощь оказывается гражданам, пострадавшим во время Великой Отечественной войны (программа «Справедливой России»). Все это – следствие того, что системное понимание стратегий и направлении политики памяти государства представляет определенные сложности в условиях современности. Почти полностью отсылки к истории отсутствуют в программах партии «Гражданская платформа»[93].

Если вести речь о партиях КПРФ, ЛДПР, «Родина» и «Яблоко», то здесь ситуация совершенно другая. Программы КПРФ и ЛДПР выделяются тем, что их положения имеют в основе исторические, философские и геополитические выводы. Программа КПРФ содержит в себе следующую информацию: «российские коммунисты считают, что принципиальный спор между капитализмом и социализмом, под знаком которого прошло XX столетие, не завершен. Несмотря на временные отступления революционного движения, современная эпоха представляет собой переход от капитализма к социализму … Происшедшая в СССР и в ряде других стран реставрация капитализма означает временное отступление социализма. Причём проиграл не социализм как общественный строй, а ранняя его форма»[94].

Выдержки из программы ЛДПР являются еще более радикальными: «Возвращение Крыма в Россию – это великое историческое свершение, и мы убеждены, что Россия имеет право на все свои исторические земли и должна приложить усилия к тому, чтобы мирным путем расширить границы, по крайней мере, до пределов бывшего СССР»[95].

---

[93] Предвыборная программа партии «Гражданская Платформа» на выборах в Государственную Думу седьмого созыв. Партия «Гражданская платформа». Официальный сайт.2016 [Электронный ресурс] - URL: http://праваяпартия.рф/3566 (дата обращения 29.04.2020)

[94] Программа партии. Коммунистическая партия Российской Федерации. Официальный сайт. 2016 [Электронный ресурс] - URL: https://kprf.ru/party/program (дата обращения 20.05.2020)

[95] Программа ЛДПР. Либерально-демократическая партия России. Официальный сайт. 2016 [Электронный ресурс] - URL: https://ldpr.ru/party/Program_LDPR/ (дата обращения 29.04.2020)

Лидер партии «Справедливая Россия» Сергей Миронов высказался достаточно резко на конференции «Нюрнбергский процесс – исторические уроки и современные реалии» 6 февраля 2017 года: «против многонационального русского мира вновь развёрнута война, российская цивилизация выстоит и победит, а совершившие преступления против народа Донбасса будут наказаны. Уроки Нюрнберга … вновь и вновь укажут путь»[96].

В документах партий «Яблоко» и «Родина» имеются исторические отсылки лишь в тех параграфах, которые касаются восстановления культурно-исторического наследия. Это очень важный момент сам по себе, однако он не является решающим в политической концепции упомянутых партий, их стратегиях.

Исторический период, о котором наиболее часто говорится в программах партий, стоит назвать существование СССР. Помимо этого, сюда стоит отнести события, связанные с его крушением. Опыт СССР оценивается как правило позитивно – так оценивает его ЛДПР, либо отрицательно – это партии «Родина» и «Яблоко». ЛДПР при этом демонстрирует противоречивую позицию. Ведь основная критика периода СССР осуществляется в рамках отрицательной деятельности советских вождей. При этом военно-политическое значение государства, его проекты, касающиеся геополитики, расцениваются как исключительно положительные. Имеет место даже тезис: «ЛДПСС была единственной партией РСФСР, которая в 1991 г. открыто выступила в поддержку ГКЧП или другими словами - за последнюю попытку сохранить СССР»[97]. Начиная с февраля 2017 года на сайте ЛДПР ведется интернет-голосование по вопросу «25 лет назад состоялся референдум о

---

[96] Миронов С. Урок Нюрнберга вновь и вновь укажут нам путь. Официальный сайт политической партии «Справедливая Россия». [Электронный ресурс] - URL: http://www.spravedlivo.ru/5_80707.html (дата обращения 20.05.2020)

[97] Программа ЛДПР. Либерально-демократическая партия России. Официальный сайт. [Электронный ресурс] - URL: https://ldpr.ru/party/Program_LDPR/ (дата обращения 29.04.2020)

сохранении СССР. Поддержали бы Вы сегодня сохранение Советского Союза?»[98].

Самым положительным образом советское прошлое представляется в документах КПРФ. «КПРФ убеждена: спасение Отечества — только в возрождении советского строя и следовании по пути социализма»[99]. Стоит сказать, что второй пункт программы КПРФ называется «Уроки истории и пути спасения Отечества». Здесь продемонстрированы исключительно наиболее однозначные достижения советской власти. Отрицательные моменты истории либо вообще не упоминаются, либо описываются в апологетическом свете. Эпоха сталинизма представляется исключительно в положительном свете, это касается и репрессий: «Конечно, среди большого числа заключенных были и невиновные. Но в этот предвоенный, военный и послевоенный периоды, в беспримерной по накалу борьбе, у Сталина не было иного выбора, кроме как проводить жесткую, направленную на укрепление порядка и дисциплины политику, твердо и решительно пресекать все действия, расшатывающие государство»[100]. Партии «Единая Россия» и «Справедливая Россия», по причине своей близости к власти, демонстрируют очень настроены весьма нейтрально[101].

Совершенно отрицательно оценивают исторические моменты большинство политических партий. Причиной этого являются постсоветский опыт, а также история страны девяностых годов двадцатого века. Все современные политические партии (кроме «Яблока») не пытаются включить

---

[98] Результаты опросов. Либерально-демократическая партия России. Официальный сайт. [Электронный ресурс] - URL: https://ldpr.ru/party/Program_LDPR/ (дата обращения 29.04.2020)

[99] Программа партии. Коммунистическая партия Российской Федерации. Официальный сайт. [Электронный ресурс] - URL: https://kprf.ru/party/program (дата обращения 20.05.2020)

[100] Зюганов Г.А. Эпоха Сталина: цифры, факты, выводы. М.: Издательство ИТРК. 2010. С.53.

[101] Историческая память. «Единая Россия». Официальный сайт партии. [Электронный ресурс] - URL: http://er.ru/projects/istoricheskaya-pamyat/ (дата обращения 22.05.2020); Политический словарь партии «Справедливая Россия». Официальный сайт политической партии «Справедливая Россия». [Электронный ресурс] - URL: http://www.spravedlivo.ru/5_77833.html (дата обращения 29.04.2020).

историю девяностых годов в историю страны. Они критикуют данный переходный период, поясняют свою политическую позицию. В программах всех российских политических партий, которые вошли в VII Государственную Думу, упомянутый период описывается очень отрицательно. «Единая Россия» и «Справедливая Россия» называют это результатом обстоятельств, «Гражданская платформа» - в качестве предательства «псевдоэлиты», КПРФ - как результат деятельности «носителей буржуазных взглядов», «антинародных сил», «мировых капиталистов», ЛДПР – в качестве глупости вождей СССР, «Родина» - как объединенные действия «старых опарышей прозападного либерал-глобализма» и «вашингтонско-брюссельского обкома».

Выступление вице-спикера Госдумы Андрея Исаева - заместителя секретаря Генсовета «Единой России» - отличается показательностью. Он сказал следующее: «Либерализм как идеология несостоятелен…В России самая либеральная власть установилась в феврале 1917 года. Была отменена смертная казнь в воюющей стране, полковые комитеты и собрания солдат обсуждали приказы командования. Чем это кончилось, мы знаем. В Германии самым либеральным режимом была Веймарская республика. Результат тоже известен… Те, кто говорит, что России сегодня нужна либеральная повестка, хотят вернуть нас в девяностые годы»[102].

В программе КПРФ найдено больше всего упоминаний прошлого, то же самое касается и ЛДПР. Данные партии отличаются высокой радикальностью политических лозунгов. В случае упомянутых партий исторический опыт позволяет решать политические задачи, узаконивая идеологические программы и лозунги. В иных партиях количество высказываний такого характера гораздо меньше. Поэтому имеет смысл обращать внимание только на партийные программы, так как они играют роль единственного

[102] Исаев А. Нужна ли России либеральная повестка? Партия «Единая Россия». Официальный сайт партии. [Электронный ресурс] - URL: http://er.ru/news/138562/ (дата обращения 29.04.2020).

репрезентативного источника для партий вне зависимости от финансовых и информационных возможностей.

Историческая преемственность России является весьма однозначной. Несмотря на то, что большевизм и отдельные моменты советского государства подлежали критике всех ведущих политических партий, последние говорят о том, что они понимают историческую преемственность Российской империи – СССР – Российской Федерации. Ориентиры политики в посланиях В.В. Путина демонстрируют важность роли советского исторического опыта. Поэтому он говорит о том, что требуется отыскивать преемственные связи. Эти моменты однозначно приняты большей частью политических партий России. Однако, одной из наиболее важных является тема исторического разрыва в партии «Яблоко», которая не попала в состав Думы. В ее программе указано следующее: «Для развития диалога культур и народов на территории Российской Федерации критически важно перейти от колониальной, «кремлецентричной» концепции истории, когда тот или иной народ появляется в учебнике лишь с момента присоединения к России, – к осознанию истории всех народов нашей страны как предыстории новой России, чтобы взращивать с помощью такого подхода чувство гражданской общности у людей на всей территории России … четко и недвусмысленно определить сферу правопреемственности современного российского государства. Современная Россия является правопреемницей Российского государства до Октябрьского переворота 1917 года. Российский народ никогда не избирал ни большевиков, ни Сталина на свободных выборах … Большевистская диктатура остановила естественное историческое развитие нашей страны, на многие десятилетия оторвала Россию от общего для всей Европы пути развития цивилизации. От сделанного огромным трудом российского народа за эти семь десятилетий сегодняшняя Россия не должна и не может отказываться»[103].

[103] Предвыборная программа партии «ЯБЛОКО» «Уважение к человеку». Партия «ЯБЛОКО». Официальный сайт. 2016 [Электронный ресурс] - URL: http://www.yabloko.ru/content/2016_0#_Toc459908183 (дата обращения 20.05.2020)

Выводы, которые можно сделать относительно наличия в программах партий единой стратегической направленности политики памяти, также однозначны. Партии показывают лишь старт формирования системы, стратегии реализации политики памяти. В программе партии «Яблоко» имеются детали стратегирования. Здесь сохранение исторической и культурной памяти касается таких проблем: «разрушение и утрата исторического и культурного наследия России, которое само по себе является «материальной», «вещественной» основой для памяти; низкий уровень исторического знания, позволяющий подменять историю России пропагандой, весьма слабое изучение истории человечества и опыта других стран; целенаправленное вытеснение из общественной памяти государственных преступлений последнего века, направленных против населения России и других стран, их сознательное замалчивание и отрицание. В результате беспамятства и неуважения к страданиям нашего народа создаются условия для повторения подобных преступлений в настоящем и будущем»[104]. Оценки и критика возможности взаимодействия с политической властью страны в разрешении указанных проблем достаточно резки.

Некоторые детали политики памяти имеются в программах всех основных партий. Чаще всего это выглядит, как ориентирование на практическую деятельность, связанную с восстановлением памятников и храмов, содействием военно-патриотическим организациям в поиске и захоронении останков солдат, заботой о ветеранах и «детях войны».

Отдельными проектами партий «Единая Россия»[105] и «Яблоко»[106] являются проблемы истории и памяти. Остальные партии вписали мероприятия, касающиеся сохранения исторической памяти, в параграфы

---

[104] Предвыборная программа партии «ЯБЛОКО» «Уважение к человеку». Партия «ЯБЛОКО». Официальный сайт. 2016 [Электронный ресурс] - URL: http://www.yabloko.ru/content/2016_0#_Toc459908183 (дата обращения 20.05.2020)

[105] Историческая память. «Единая Россия». Официальный сайт партии. [Электронный ресурс] - URL: http://er.ru/projects/istoricheskaya-pamyat/ (проверено 22.05.2020).

[106] Предвыборная программа партии «ЯБЛОКО» «Уважение к человеку». Партия «ЯБЛОКО». Официальный сайт. 2016 [Электронный ресурс] - URL: http://www.yabloko.ru/content/2016_0#_Toc459908183 (дата обращения 20.05.2020)

социальной, образовательной и культурной политики. Также стоит указать тему Великой Отечественной войны в качестве преобладающей среди мероприятий партий. Здесь речь идет об установке памятников, мемориалов, помощь ветеранам и детям войны. Именно на упомянутые практические моменты направлено основное внимание партий. Исключительно с данной тематикой связаны законодательные инициативы таких партий, как «Справедливая Россия» и «Единая Россия». Депутатка Ирина Яровая предложила закон, который ввел в Уголовный Кодекс новую статью 354.1 (реабилитация нацизма).

Стоит сказать, что переход России в девяностые и двухтысячные годы в качестве агента политики памяти из роли разработчика в роль селектора образов исторического прошлого, создаваемых обществом и политическими группами, привела к активизации негосударственных акторов политики памяти. Политические партии всегда находились на особом месте среди последних.

Несмотря на то, что политическая жизнь России стала более стабильной, а также существует потребность общества в политике партий, ни одна из упомянутых выше партий не продемонстрировала четкой и целенаправленной стратегии политики памяти, также, как и образовательной, молодежной и культурной. Причиной является недостаточная задействованность ресурса партий в исторической политике. Причем это наблюдается, несмотря на то, что условия для такой задействованности созданы в 2012 году либерализацией законов.

История не помогла примирению различных политических сил, наоборот, оценка истории отличается совершенно противоположными оценками. Политические партии, ко всему прочему, по-разному понимают основные символы страны, памятные даты. При этом они признают важность сохранения основных образов истории.

Чаще всего пытались использовать прошлое наиболее радикальные партии – КПРФ и ЛДПР. Они показали самую высокую частоту высказываний,

резкость оценок. Общим для всех является преобладание прошлого СССР в роли основного объекта для обсуждений. Крах же СССР описывается в качестве своего рода предательства государства при зарубежной поддержке. Однако большая часть партий – не активные акторы политики памяти. Они направляют свою работу в данной сфере на определенные практики, необходимые для сохранения культурного наследия, установки памятников и поддержки ветеранов.

Особенности политики памяти в России состоят в том, что государство продолжает играть роль основного источника легитимации моментов прошлого и вновь представляемых практик коммеморации. Таким образом, роль политических партий-акторов политики памяти во многих моментах касается создания конкретных образов, их предложению как символически значимых ресурсов. Государство при этом будет играть роль селектора для того, чтобы создать компромиссное отношение к прошлому. Разделение такого рода показывает, что в России идет формирование альтернативных акторов политики памяти. Последние будут способны полноценно участвовать в диалоге и прийти к гражданскому согласию.

# ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Прошлое на данный момент является важным ресурсом современной политики. Однако использование прошлого в качестве объекта научного исследования началось сравнительно недавно. Политика памяти в современном обществе очень важна, являясь аспектом стратегии политической культуры и социально-философским фактором, она затрагивает широкий спектр вопросов.

Память – это социальный продукт. Конструирование памяти осуществляется в каждой из групп общества в зависимости от того, каковы ее интересы. При этом память применяется для того, чтобы добиться мобилизации общества, его солидарности. Память по своей сути отличается конфликтностью. На нее оказывают непосредственное влияние настроения той или иной группы, при этом основное внимание уделяется в первую очередь наиболее положительным и отрицательным моментам: например, одержанным победам, произошедшим трагическим событиям. Однако стоит сказать, что для того, чтобы определить характеристики группы, требуется объект для сравнения. Именно это и позволяет выявлять характерные черты той или иной группы, ее отличительные признаки.

Как и сама история, память имеет дело с образами, а никак не с объективными фактами, имевшими место в прошлом. Она не является единым образованием. Именно поэтому имеют место одновременно несколько групповых нарративов, существующих бок о бок друг с другом.

Таким образом, политику памяти можно описать в качестве деятельности акторов, облеченных политической властью. Данные действия производятся для того, чтобы создать определенные образы прошлого. Для этого используются отбор и пояснение исторических фактов, что становится возможным с привлечением средств правового регулирования, проведения культурной политики, образования.

Перед государственной политикой памяти в нашем государстве стоит ряд

проблем и рисков – внешнеполитических и внутриполитических. Они создают значительное препятствие высокоэффективной реализации государственной политики памяти. Подходы, которые традиционно использовались в России для формирования государственной политики памяти, не отличаются перспективностью, а процесс данного формирования – очень сложен. Формирование неэтноцентричной, плюралистической и децентрализованной политики памяти может оказаться в некоторой мере перспективным проектом. При этом политика памяти приобретет подвижность, будет принимать во внимание риски и проблемы современности, получит смысловые ориентиры. Необходимо использовать различные подходы, решая вопросы о выборе подходящей стратегии к дальнейшему формированию политики памяти в России, обязательно принимать во внимание все риски и тщательно анализировать методы.

Рассмотренный в работе региональный подход к формированию политики памяти может быть успешным только после проведения доработки и усовершенствования. Для этого подхода требуется поуровневая работа, на каждой из стадии которой производятся определенные действия: формирование региональной идентичности, создание общих ценностей, а также требуемый настрой целевой аудитории политики памяти. Помимо этого, требуется анализ особенностей, которые характерны для каждого конкретного региона и оказывают существенное влияние на формирование политики памяти.

Также существующий урбанистический подход к формированию политики памяти работает исключительно в городской среде, используя методы изменения городского пространства. Важным моментом является визуализация, для которой используются символы исторической памяти: реклама различного вида, городской ландшафт, памятники искусства и архитектуры, которые окружают городское население и в значительной мере влияют на формирование сознания граждан.

Культурная память сегодня практически не используется как

пространство для сотрудничества и позитивного диалога с сегментами общества, имеющими оппозиционные настроения. Однако данный процесс был весьма выраженным еще в начале двадцатых годов XXI века. Деятельность, связанная с институциональным измерением политики памяти, требует изменения подходов к данному процессу. В первую очередь следует обратить внимание на взаимодействие акторов и коммеморации, которые играют роль способа конституирования групп. Обязательно необходимо новое понимание места исследователя в данных вопросах.

В России реалии политики памяти таковы, что государство является главным источником легитимации деталей прошлого, практик коммеморации, представляемых вновь. Поэтому политические партии в роли акторов политики памяти должны создавать определенные образы, представляя их в качестве символически значимых ресурсов. Государству же отводится селективная роль, что позволит в дальнейшем сформировать у общества компромиссное отношение к фактам истории, к прошлому. На данный момент в России имеет место появление альтернативных акторов политики партии. От них ожидается активное участие в диалоге, что, в конечном итоге, приведет к гражданскому согласию.

# БИБЛИОГРАФИЯ

**Монографии**


1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. П. Баньковской. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.
2. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
3. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской. - М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
4. Барт Р. Мифологии. Mythologies / Пер. с фр. Зенкин С. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000. 351 с.
5. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. 430 с.
6. Копосов Н. Память строгого режима: История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 320 с.
7. Локк Д. Опыт о человеческом разуме // Избранные философские произведения в 2-х томах. Т. 1. М.: Соцэкгиз, 1960. 623 с.
8. Малинова О. Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы идентичности. М., 2015. 207 с.
9. Платон. Теэтет // Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 2. М.: Мысль, 1993. 528 с.
10. Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира: Пер. с фр. М.: Высшая школа, 1992. 350 с.
11. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер.с.фр. и вступ.ст. С.Н. Зенкина М.: Новое издательство, 2007. 348 с.

12. Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994. 144 с

**Учебные пособия**

13. Историческая память: введение: учебное пособие / Ю. А. Сафронова. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. 220 с.
14. Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования: учебник/ пер. с польск. Н.В. Морозовой, авт. вступ. ст. Н.Е. Покровский. М.: Логос, 2007. 168 с

**Сборники**

15. Миллер А., Ефременко Д. Методологические вопросы изучения политики памяти. М., СПб.: Нестор-История. 2018. 224 с.
16. Миллер А., Ефременко Д. Политика памяти в России и Восточной Европе: институты, акторы, нарративы. СПб.: Изд-во Европейского университета. 2018. 632 с.
17. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок; Пер. с фр. Д. Хапаевой; Науч. конс. пер. Н.Копосов СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. 328 с.

**Статьи с сборниках**

18. Астров А. Историческая политика и «онтологическая озабоченность» малых центрально-европейских государств (на примере Эстонии) // Историческая политика в XXI веке / Ред.: Миллер А., Липман М., М.: Новое литературное обозрение. 2012. С. 184-215.
19. Бергер Ш. Историческая политика и национал-социалистическое прошлое Германии, 1949—1982 гг. // Историческая политика в XXI веке / Ред.: Миллер А. и Липман М. М.: Новое литературное обозрение. 2012. С. 33-64.
20. Васильев А.Г. Современные memory studies и трансформация классического наследия // Диалоги со временем: память о прошлом в

контексте истории / Под редакцией Л. П. Репиной. М.: Кругъ, 2008. С. 19-50.

21. Миллер А. Введение: Историческая политика в Восточной Европе начала XXI в. // Историческая политика в XXI веке / Ред.: Миллер А. Липман М. М.: Новое литературное обозрение. 2012. С. 7-32.

**Периодические издания**

22. Аникин Д.А. Стратегии политики памяти на постимперском пространстве // Известия Саратовского университета. 2012. Т. 12. Сер. Философия. Психология. Педагогика. Вып. 2. С. 34-38.

23. Аникин Д.А. Топосы социальной памяти в обществе риска М.: Издательство Саратовского государственного университета, 2011. 156 с.

24. Воронович А.А. Роль европейской политики памяти в государственной исторической политике Молдовы и Украины в 2000-х годах // Политическая наука. 2018. № 3. С. 167-189.

25. Гайдар Е.Т. От выборов нельзя уйти или спрятаться. Их надо выиграть // Известия. 1995. № 64.

26. Егоров Н. Д. Июньские выборы: за стабильность и за потрясения? // Российская газета. - 1996. № 53.

27. Зюганов Г.А. Взгляд за горизонт // Обозреватель. 1994.№ 18. С. 143.

28. Зюганов Г.А. Эпоха Сталина: цифры, факты, выводы. М.: Издательство ИТРК. 2010. С. 53.

29. Малинова О.Ю. Использование прошлого в российской официальной символической политике (на примере анализа ежегодных президентских посланий) // Историческая политика в XXI веке. М.: Новое литературное обозрение. 2012. С.368-395.

30. Миллер А. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти // Полития. 2016. № 1. С. 111-121.
31. Миллер А. Роль экспертных сообществ в политике памяти в России. – Полития. 2013. № 4. С. 114-126.
32. Олик Дж. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии / пер. с англ. Д. Хлевнюк // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. № 1. С. 40-74.
33. Попов Г. Месяц Скорпиона, год Красной Змеи // Известия. - 1997. - № 212 (25065). 6 ноября.
34. Сафронова Ю. А. Третья волна memory studies: Двадцать три года против шерсти // Политическая наука. 2018. № 3. С. 12-31.
35. Сыров В.Н. В каком историческом сознании мы нуждаемся: к методологии подхода и практике использования // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 1 (21). С. 183-190.
36. Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2018. № 4. С. 4-15.
37. Утенков В.М., Закалин А.С. Об историческом сознании студенческой молодежи // Социологические исследования. 2000. № 6.С. 119-122.
38. Фелькер А.В. Исследования наследия и политики памяти – в поисках общих подходов // Политическая наука. 2018. № 3. С. 32-52.
39. Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. – 2000. №1(8). С. 47–62.
40. Шюц А. Структура повседневного мышления // Социс. 1988. №2. С.134−140.

**Электронные ресурсы**

41. Власти Москвы предложили перенести на проспект Сахарова акцию „Возвращение имен “// Ведомости, 20.10.18 [Электронный ресурс] - URL: https:// www.vedomosti.ru/politics/news/2018/10/20/784196-vozvraschenie-imen (дата обращения 24.05.2020).
42. Аникин Д. А., Линченко А. А. Избирая память? Политические партии в России как акторы исторической политики // Studia Humanitatis. 2017. №4. [Электронный ресурс] - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/izbiraya-pamyat-politicheskie-partii-v-rossii-kak-aktory-istoricheskoy-politiki (дата обращения: 12.11.2019).
43. Дюков А. Ни одно общество в мире не может обойтись без своей политики памяти // Информационно-аналитическое сообщество «Мировоззрение Русской цивилизации». 2009 [Электронный ресурс] - URL: http://www.liberty.ru/Themes/Aleksandr-Dyukov-Ni-odnoobschestvo-v-mire-ne-mozhet-obojtis-bez-svoej-politikipamyati (дата обращения 20.05.2020).
44. Исаев А. Нужна ли России либеральная повестка? – «Единая Россия». Официальный сайт партии. [Электронный ресурс] - URL: http://er.ru/news/138562/ (дата обращения 29.04.2020).
45. Историческая память. «Единая Россия». Официальный сайт партии. [Электронный ресурс] - URL: http://er.ru/projects/istoricheskaya-pamyat/ (дата обращения 22.05.2020).
46. Кувалдин С. «Темная ночь» одна на всех. Кто и почему запретил советскую песню в Польше // Сноб, 31.05.18 [Электронный ресурс] - URL: https://snob.ru/ entry/177406/ (дата обращения 07.05.2020).
47. Малинова О. Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // Полития. 2017. №4 (87). [Электронный ресурс] - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kommemoratsiya-istoricheskih-sobytiy-

kak-instrument-simvolicheskoy-politiki-vozmozhnosti-sravnitelnogo-analiza (дата обращения: 12.11.2019).

48. Минюст не включил НИПЦ «Мемориал» в реестр иностранных агентов // «Мемориал». 2019 [Электронный ресурс] - URL: https://www.memo.ru/ru-ru/memorial/departments/intermemorial/news/235 (дата обращения 07.05.2020).

49. Миронов С. Урок Нюрнберга вновь и вновь укажут нам путь. – Официальный сайт политической партии «Справедливая Россия». [Электронный ресурс] - URL: http://www.spravedlivo.ru/5_80707.html (дата обращения 20.05.2020)

50. Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3. [Электронный ресурс] - URL: http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html (Дата обращения 09.04.2020).

51. Политический словарь партии «Справедливая Россия». Официальный сайт политической партии «Справедливая Россия». [Электронный ресурс] - URL: http://www.spravedlivo.ru/5_77833.html (дата обращения 29.04.2020)

52. Предвыборная программа партии «Гражданская Платформа» на выборах в Государственную Думу седьмого созыв. 2016. – Партия «Гражданская платформа». Официальный сайт. [Электронный ресурс] - URL: http://праваяпартия.рф/3566 (дата обращения 29.04.2020)

53. Предвыборная программа партии «ЯБЛОКО» «Уважение к человеку». Партия «ЯБЛОКО». 2016.Официальный сайт. [Электронный ресурс] - URL: http://www.yabloko.ru/content/2016_0#_Toc459908183 (дата обращения 20.05.2020)

54. Программа ЛДПР. Либерально-демократическая партия России. Официальный сайт. [Электронный ресурс] - URL: https://ldpr.ru/party/Program_LDPR/ (дата обращения 29.04.2020)

55. Программа партии. Коммунистическая партия Российской Федерации. Официальный сайт. [Электронный ресурс] - URL: https://kprf.ru/party/program (проверено 20.05.2020)

56. Результаты опросов. Либерально-демократическая партия России. Официальный сайт. [Электронный ресурс] - URL: https://ldpr.ru/party/Program_LDPR/ (дата обращения 29.04.2020)

57. Сабанчеев Р. Ю. Концепция "мест памяти" Пьера Нора как способ исторической реконструкции // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2018. №1. [Электронный ресурс] - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-mest-pamyati-piera-nora-kak-sposob-istoricheskoy-rekonstruktsii (дата обращения: 28.05.2019).

**Нормативно-правовой акт**

58. Указ Президента Российской Федерации от 29.12.2012 г. № 1710 «О создании Общероссийской общественно-государственной организации «Российское военно-историческое общество»» // Официальный сайт информационно-правовой информации. [Электронный ресурс] - URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102162441 (дата обращения: 09.05.2020).

**Литература на иностранном языке**

**Монографии**

59. Bartlett, F. Remembering: A Study in Experimental and Social Psychology. Cambridge University Press. 1932. 317 p.

60. Bernhard M., J.Kubik. Twenty Years after Communism: The Politics of Memory and Commemoration. Oxford: Oxford University Press, 2014. 384 p.

61. Cichocka L., A.Panecka Polityka historyczna: historycy — politycy — prasa / Ed.: A.Panecka Warszawa: Muzeum Powstania Warszawskiego. 2005. 272 p.
62. Hutchinson J. Nationalism and War. New York: Oxford University Press. 2017. 232 p.
63. Koposov N. Memory Laws, Memory Wars: The Politics of the Past in Europe and Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 338 p

**Статьи в сборниках**

64. Bürger P. State Programs, Institutions and Memory in Russia // Politics and Legitimacy in Post-Soviet Eurasia // Eds.: Ahrens J., Brusis M., and Wessel M.S. London: Palgrave Macmillan. 2016. P. 172-192.
65. Gabowitsch M. Foils and Mirrors: The Soviet Intelligentsia and German Atonement // Replicating Atonement / Ed.: Gabowitsch M. Cham: Palgrave Macmillan, 2017. P. 267-302.
66. Gillis J. R. Memory and Identity: The History of a Relationship // Commemorations: The Politics of National Identity / Ed. by Gillis J. R. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1994. P. 3-24.
67. Hartog F., Revel J. Note de conjoncture historiographiqu // Les usages politiques du passé / Ed. Hartog F., Revel J. Paris: Editions de l'Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales, 2001. P. 13-25.
68. Maurantonio N. The Politics of Memory // Oxford Handbook of Political Communication / Eds.: Jamieson K. H. and Kenski K. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 219-237.
69. Tonkin E. Introduction // History and ethnicity / Ed.: Chapman M., McDonald M., and Tonkin E. London: Routledge, 1989. P. 2–5.
70. Tulving E. Are There 256 Different Kinds of Memory? // The Foundations of Remembering / Ed. by J. S. Nairne. N. Y., 2007. P. 39-52.

**Периодические издания**

71. Bull A.C. and H.L.Hansen. On Agonistic Memory // Memory Studies. 2016. Vol. 9. No. 4. P. 390-404.

72. Confino A. Collective memory and cultural history: Problems of method // The American Historical Review.1997. Vol. 102. No. 5. P. 1386-1403.

73. Feindt G., F.Krawatzek, D.Mehler, F.Pestel, and R.Trimcev. Entangled Memory: Toward a Third Wave in Memory Studies // History and Theory. 2014. Vol. 53. No. 1. P. 24-44.

74. Gabowitsch M. Are Copycats Subversive? Strategy-31, the Russian Runs, the Immortal Regiment, and the Transformative Potential of Non-hierarchical Movements // Problems of Post-Communism. 2016. Vol. 65. No. 5. P. 297-314.

75. Ghodsee K. A Tale of «Two Totalitarianisms»: The Crisis of Capitalism and the Historical Memory of Communism History of the Present // A Journal of Critical History. 2014. Vol. 4. No. 2. P. 115-142.

76. Krastev I. and S.Holmes. Imitation and Its Discontents // Journal of Democracy. 2018. Vol. 29.No. 3. P. 117-128.

77. Levi N., M.Rothberg. Memory Studies in a Moment of Danger: Fascism, Postfascism, and the Contemporary Political Imaginary // Memory Studies. 2018. Vol. 11. No. 3. P. 355—367.

78. Molden B. Resistant Pasts versus Mnemonic Hegemony: On the Power Relations of Collective Memory // Memory Studies. 2016. Vol. 9. No. 2. P. 125-142.

79. Olick J.K. Collective Memory: The Two Cultures // Sociological Theory. 1999. Vol. 17. No. 3. P. 333-348.

80. Radonić L. Post-Communist Invocation of Europe: Memorial Museums' Narratives and the Europeanization of Memory // National Identities. 2017. Vol. 19. No. 2. P. 269-288.

81. Todorov T. Memory as a Remedy for Evil // Journal of International Criminal Justice. 2009. Vol. 7. No. 3. P. 447-462.

82. Zelizer B. Reading the Past against the Grain: The Shape of Memory Studies // Critical Studies In Mass Communication. Vol. 12. № 2. 1995. P. 214-239.
83. Zimmermann M. Die Russische Orthodoxe Kirche als erinnerungspolitischer Akteur (1995–2009) Der Schießplatz Butovo als Fallbeispiel für die postsowjetische Gedenkkultur // Sowjetische Verbrechen und russische Erinnerung. Orte – Akteure – Deutungen (Europas Osten im 20. Jahrhundert/ Jörg Ganzenmüller, Raphael Utz. München: de Gruyter Oldenbourg. 2014. S. 59–90.

**Нормативно-правовой акт**

84. The Declaration of the Stockholm International Forum on the Holocaust. 2000 [Электронный ресурс] - URL: https://www.holocaustremembrance.com/stockholm-declaration (accessed 20.05.2020)